

Счастливы ты, совершающий паломничество,
если тебе не хватает слов, чтобы выразить
благодарность за все то, что приносит
тебе дорога в каждом своем изгибе.
Из «Блаженств паломника»*

Не помню точно, кто первый предложил совершить паломничество в город Сантьяго-де-Компостела, чтобы поклониться мощам святого Иакова**, но хорошо помню, что поначалу эта идея не вызвала у меня восторга. Пройти пешком двести пятьдесят километров под палящим солнцем и проливными дождями, целыми днями карабкаться по горам Португалии и преодолевать испанские равнины — это казалось полным безумием. Ради чего, спрашивается? На кой мне сдались тяготы и лишения пилигримской жизни, если я даже не знаю, кто такой этот Иаков?

— Расслабься, — сказали мои будущие попутчицы, — этого никто не знает, и, однако, люди толпами идут по Пути Сантьяго. Вот и мы его пройдем — заодно узнаем, что к чему.

Прежде всего разработали маршрут. Сам Путь существовал уже двенадцать столетий и в наших поправках не нуждался — мы лишь могли внести дополнения к пешей части путешествия и где-нибудь побывать до и после пилигримства. Решили, что сначала проведем несколько дней в Лиссабоне и Порто, а напоследок зависнем в Барселоне, чтобы снова привыкнуть к цивилизации после всех мытарств пути.

Определившись с географией поездки, сами себе организовали полугодовые курсы португальского. За две-три недели освоив основы разговорного языка и взяв на себя роль *mestre*, я принялся обучать этому забавному наречию будущих *peregrinos****. Одной из первых выученных фраз, необходимых нам в путешествии, было пожелание хорошего пути — *bom caminho!*

Впоследствии оказалось, что изучение португальского не было пустой тратой времени: язык очень даже пригодился в глухой провинции, где местное население совсем не говорило по-английски, да и в крупных городах он был нелишним — жителям любой страны куда больше нравится общаться на родном языке, нежели на иностранном.

* Перевод В. А. Ефимова.

** Святой Иаков — один из двенадцати апостолов, ближайших учеников Иисуса Христа; единственный апостол, чья смерть описана в Новом Завете. В испанском варианте «святой Иаков» звучит как **Сантьяго**, отсюда — название испанского города Сантьяго-де-Компостела, где предположительно находится могила апостола.

*** Учителя... пилигримов (порт.).

Наконец, нужно было купить полное снаряжение для длительных походов: удобный рюкзак, который на десять дней становился продолжением твоей спины, скандинавские палки — бродить по горам и долам, спальный мешок — ночевать в приютах или, если придется, в чистом поле, а самое главное — идеальную трекинговую обувь, чтобы в пути не сбить в кровь ноги.

И вот в один прекрасный мартовский день группа российских паломников (*восемь девчонок — один я*) прибыла в столицу Португалии.

Одна из наших девушек, Лена, безапелляционно заявила, что смотреть в Лиссабоне абсолютно нечего, но, вопреки ее мнению, город оказался одним из самых ярких и неповторимых мест, какие мне только доводилось видеть. Наверное, каждый сам для себя решает, что достойно его взгляда, а что — нет. Я не мог оторвать глаз от тротуаров с великолепными восточными узорами, выложенными неровной брусчаткой. Приходил в восторг от традиционных желтых и красных трамвайчиков: они с важностью разъезжали по центру города и отчаянно карабкались по крутым склонам старых районов. А на *азулежу* — таблички, мозаичные панно и сюжетные полотна из керамической плитки, украшавшие здания Лиссабона, — я вообще глядел раскрыв рот.

Город буквально утопал в зелени. На улицах вольготно росли европейские богатыри платаны с пятнистыми стволами, а рядом с ними мирно сосуществовали стройные южанки пальмы — их вечнозеленые кроны высоко смотрели на пока еще безлистые ветви соседей. Но пальмы в Европе — это ладно, а вот апельсиновые деревья, усеянные спелыми плодами в самом начале весны, потрясали до глубины души. Я даже подумал, что это какие-то декоративные сорта, однако нет, оказалось, самые что ни на есть съедобные.

Как и местная природа, лиссабонская архитектура представляла собой удивительную мешанину различных стилей и направлений. На центральных улицах и площадях дома и дворцы казались совершенно невесомыми и походили на объемные картинки в детских книжках-раскладушках. Они напоминали голландские здания, чьи разноцветные фасады были словно вырезаны из картона. А смотришь сверху на оранжевые черепичные крыши знаменитого квартала Алфамы, и кажется, что попал в центр старинного датского городка, где строения расположены совершенно хаотично и можно бесконечно блуждать в лабиринте узких улочек. Но не успеешь привыкнуть к этой амстердамско-копенгагенской эстетике, как на глаза тут же попадает богатый особняк с арабскими башенками и куполами или огромный ажурный дворец с богатейшим восточным орнаментом. Наследие мавританской культуры придавало городу поистине сказочное очарование.

В первый день путешествия мы сидели в шезлонгах на берегу реки Тежу, рядом с Башней Белен*, и были не менее расслаблены, чем лиссабонцы: те бродили по набережной словно заторможенные, а мы потягивали *жинжу* — сладкий португальский ликер, настоянный на ягодах вишни.

Вкус его оставил в моей памяти ощущение *зависшего времени*: позади остались утомительные перелеты, впереди маячила чуть тревожащая неизвестность Пути, но сейчас в безоблачном небе сияло солнце, по речной глади едва заметно скользил парусник, теплая погода и свежий воздух навевали состояние дремоты. Почти نابововская синхронизация бытия!

Мы наслаждались минутами полного бездействия, блаженной лени, что, казалось, окутала весь город. Выпив ликер, хотели вернуть бокалы в винный ларек, но девушка-продавец с улыбкой сказала, что это — подарок. Бокалы, на солнце отли-

* *Башня Торре-де-Белен* (порт. *Torre de Belém* — «Вифлеемская башня») — величественное сооружение на острове на реке Тежу. Построена в 1515–1521 годах Франсишку де Аррудой в честь открытия Васко да Гамой морского пути в Индию. Башня поочередно служила небольшой оборонительной крепостью, пороховым складом, тюрьмой и таможней. В 1983 году получила статус объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО.

вающие перламутром, были сделаны из небьющегося стекла и могли пригодиться в походе, — они стали нашими верными спутниками по дороге в Сантьяго.

На следующий день автобусом отправились в Порту. На автовокзале с миллионом станций, разбросанных по всем сторонам света, необходимо было выяснить, где именно наша остановка и в какой кассе можно купить билеты.

— Ну, давайте, показывайте, как вы объясняетесь по-португальски, — иронично сказала Аня, не ходившая на курсы языка, — а я на вас полюбуюсь.

Однако ей не удалось вволю поиздеваться над нашими лингвистическими достижениями: мы остановили вокзального работника в красном комбинезоне и пусть на ломаном, примитивном, но все-таки португальском наречии разузнали все, что нужно было узнать, — боевое крещение состоялось!

Пока мы ехали, погода испортилась: небо затянуло тучами и пошел дождь — он продолжал лить и в Порту. На вокзале девушки тут же натянули на себя разноцветные дождевики, и ливень им стал нипочем. Я один забыл купить что-нибудь непромокаемое на случай дождя, но, так как оделся в куртку с капюшоном, махнул рукой на непогоду: мол, не растаю же по дороге в хостел. Однако общество воспротивилось: в пути без дождевика никак не обойтись, заявили дамы и тут же обязали меня его купить. Поворчав для приличия, я согласился и в ближайшем ларьке приобрел черный плащ из плотного целлофана. В этом одеянии сразу стал похож на странствующего монаха и понял, что вот теперь-то на самом деле готов к паломничеству.

В Порто необходимо было сходить в кафедральный собор и взять так называемый *паспорт пилигрима*. С ним мы могли за минимальную плату переночевать в любом приюте для странников, идущих в Сантьяго, и, самое главное, получить в конце Пути индульгенцию на опущение грехов! Представляете, как заманчиво: протопал каких-то четверть тысячи километров — и из твоего «личного дела» стирается вся негативная карма.

Вот за этим документом мы и пошли на следующий день. Как и накануне, погода была хмурая и дождливая, поэтому после праздничного, залитого солнцем Лиссабона Порто сначала показался суровым и негостеприимным. По обеим сторонам улиц «плечом к плечу» стояли здания той же голландской архитектуры, что и в столице, но их расцветка была спокойной, приглушенной и местами даже мрачноватой. Правда, цветовое однообразие время от времени прерывалось красочным всплеском — потрясением для глаз. В конце улицы перед нами вдруг выросла непередаваемой красоты церковь — ее фасад был полностью украшен *азулежу*: несколько больших панно из керамической плитки небесно-голубого цвета изображали сцены Священного Писания. Огромные картины в этой технике находились и внутри старинного почтового отделения: там на стенах висели полотна на исторические и батальные темы, а также изображения с бытовыми сюжетами. Прямо не почта, а музей какой-то — с той лишь разницей, что здешние произведения не ограждали веревочными барьерами и можно было спокойно подойти, рассмотреть и потрогать любую картину.

Недалеко от почтамта открывался вид на собор Се*: он стоял на вершине холма и возвышался над всеми окружающими зданиями. Здравый смысл подсказывал, что нужно просто идти по улице, никуда не сворачивая, и дорога приведет прямо к воротам этой тысячелетней церкви. Однако Лена и Аня уперлись: мол, их навигаторы показывали какие-то обходные пути и наверняка по этой улице до собора не дойдешь.

* Кафедральный собор Се (порт.: *Sé do Porto*) — католическая церковь, расположенная в историческом центре города Порту. Это один из старейших и самых важных местных романских памятников. Собор считается основным религиозным сооружением в городе, хотя своим внешним видом он больше похож не на храм, а на крепость, в том числе и благодаря романскому стилю. Построили его в XII веке, образовав центр, вокруг которого постепенно разрастался город. Храм расположен в самой высокой точке Порту, поэтому смотровая площадка рядом с ним является одной из лучших в городе.

Поэтому они свернули налево, а я потопал вслед за сестрами Инной и Ирой — по прямой.

Чем ближе мы приближались к старинной части Порту, тем живописнее становился город. А когда перешли по мосту на другую сторону реки Дору, перед нами развернулась величественная панорама береговой линии. Холмистый берег был густо застроен невысокими, в три-четыре этажа, разноцветными зданиями с оранжевыми крышами, а высоко над домами по канатной дороге романтично проплывали кабинки фуникулеров. Вдоль берега выстроились лодки, яхты и небольшие кораблики. Некоторые суда были нагружены черными бочонками с изображением каравеллы и надписью Salem — в них транспортировали знаменитое на весь мир крепленое вино «Порто», один из символов Португалии.

Налюбовавшись городом, стали взбираться на холм, где находился собор. Восхождение оказалось непростым: нужно было преодолеть кучу выдолбленных в камне лестниц с крутыми ступенями и покружить по серпантинным дорожкам.

— Ничего не понимаю, — ворчала Инна, — вроде еще не ступили на тропу Сантьяго, а уже полчаса по каким-то горам лазим!

Мы прошли по холмистой части города с узенькими улочками, бульжник которых порос столетним мхом, и жилими строениями с облупленной краской. Входные двери были такие низкие, будто жилища предназначались для гномов. Порой между домами открывался потрясающий вид на реку и противоположный берег — я на ходу делал снимки, жалея, что у нас так мало времени и мы не можем побродить здесь подольше.

Наконец мы забрались на самую вершину, где на огромной площади стоял собор-крепость. Посреди площади возвышался Позорный Столб — рядом с ним уже вовсю фотались наши девицы, принимая самые прихотливые позы. У дверей храма толпилась группа людей с увесистыми рюкзаками за спиной и «посохами» в руках: по этой экипировке мы сразу опознали будущих собратьев *peregrinos*. «*Пилигримуши*» — так обозначила их Лена, ненароком смешав звучание русского и португальского слова и тем самым породив забавный неологизм. Словечко так и вошло в наш паломнический лексикон.

Мы подошли к одному путнику — тучному бородатому шотландцу в национальной юбке — и спросили, где тут выдают документ «начинающим» пилигримам. Он махнул рукой на центральный вход и показал только что полученный паспорт. Это была картонная книжица с картой Португальского Пути и обилием пустых страниц, на которых постепенно, день за днем, будут появляться штампы всех приютов и кафе, попадающихся по дороге. Сейчас в его паспорте красовалась первая печать — из собора Се.

Мы пожелали шотландцу хорошего пути — *Vom caminho!* — и тот бодро потопал вниз по ступеням бесконечно длинной лестницы. На верхней ступеньке была нарисована яркая стрелка желтого цвета, а чуть ниже — ракушка: из нее исходили лучи, указывающие в том же направлении, что и стрелка, — это было абсолютное начало Пути Святого Иакова. Отныне, словно путеводная звезда, нас до самого Сантьяго будут вести желтые знаки, не давая затеряться на просторах Португалии и Испании.

Впрочем, мы схитрили: вместо того чтобы отправиться в путь прямо от собора в Порту и полдня топтать по промзоне на окраине города, поехали на электричке в городок с символическим названием *Майя* и там не без помощи местного населения стали искать стрелку, выводящую на тропу святого Иакова. Она оказалась довольно далеко от станции метро, но португальский язык, как говорится, и до Сантьяго доведет: спустя полчаса Аня издала победный клич и ткнула палкой в столб, где красовалась заветная ярко-желтая ракушка.

— Ну что, друзья мои, — мечтательно произнесла Лена, глядя на дорогу, лежащую перед нами, — отныне — только пешком! Эх, скорей бы пробежать весь Путь — ужасно хочется посмотреть, как изменится моя жизнь после Сантьяго.

— Ленокча, ты действительно веришь, что после этого у тебя все круто поменяется? — мягко поинтересовалась психолог Яна.

— Конечно! — без тени сомнения сказала Лена. — Все, кто прошли Путь, в один голос уверяют, что жизнь становится совсем другой. Кабы не их восторги, думаешь, я бы стала с этим связываться? Бродить по грязи и спать в *альбергах** с кем попало? Нет, извиняйте: я приехала за чудом и на меньшее не согласна!

— Ладно, посмотрим, — дипломатическим тоном отозвалась Яна. — Зачем загадывать? Пусть все будет как будет.

— Ну, *пилигримуши*, в путь! — зычным голосом скомандовала Лена. — Я шагаю быстро — кто хочет, айда со мной. Другие пусть идут в своем темпе, но предупреждаю сразу: ждать никого не будем — чай, не маленькие! Если сильно разминемся, встретимся вечером в ближайшем альберге.

И пять девушек как угорелые понеслись по дороге — через три минуты их уже не было видно. А мы втроем — Инна, Ира и я — неспешно зашагали по тихой улице на окраине города.

Улица была с обеих сторон засажена цветущими деревьями с крупными сиреневыми цветками и даже пальмами, чьи стволы напоминали чудовищных размеров ананасы. Мы поминутно останавливались, чтобы полюбоваться то удивительно разбитой клумбой, то каменной стеной, из щелей которой прорастали травы и листья, то азuleжу с изображением Атланта, «поддерживающего» фонарь на стене дома. Нужно было все-все разглядеть и сфотографировать, поэтому о быстрой ходьбе не могло быть и речи — пешее странствие требовало замедленного продвижения к цели.

Словно подтверждая эту мысль, на глаза случайно попала табличка с надписью: *«It's not you who follow the Way — it's the Way that passes through you»* — «Это не вы идете по Пути — это Путь проходит сквозь вас».

— Ну так и кто из нас прав? — торжествующе воскликнула Ира, прочитав табличку. — Мы, неторопливые, или наши девицы, рванувшие сломя голову не понять куда? Разве сможет Путь *пройти сквозь них*, если они все десять дней будут *так* нестись?

— Нет, конечно, Путь за ними просто не угонится, — отозвалась Инна, задумчиво наблюдая, как женщина снаружи мыла тряпочкой стены своего коттеджа, утопающего в зелени. — А мы тем более не побежим. Все равно ведь в альберге встретимся.

Но судьба распорядилась иначе: до приюта мы в тот вечер не дошли. На перекрестке висела карта Пути, где указывались два маршрута: один прямой, а другой обходной — он увеличивал дорогу на два километра и пролегал через небольшой населенный пункт Вайран. На обходном пути находились старинные церкви и монастырь, где, согласно карте, пилигрим мог обрести пристанище на ночь. Разумеется, мы решили, что если нас примут в монастыре, то переночуем там, а не попремся в муниципальный альберг с кучей народа. Утром же проснемся пораньше и добежим до наших прытких попутчиц, пока они еще будут дрыхнуть без задних ног.

Безлюдная дорога, ведущая через заброшенные и действующие храмы дивной красоты, вывела к пригорку, откуда открывался вид на строгий архитектурный комплекс — он состоял из белого шестизэтажного здания, расположенного в форме буквы П, ряда невысоких построек с красными крышами да кладбища за высокой каменной оградой. Несомненно, это и был монастырь — конечный пункт первого дня наших странствий.

Мы спустились с пригорка и подошли к монастырским воротам. Тяжелая литая дверь тут же отворилась, словно нас здесь давно поджидали, и за ворота вышел пожилой мужчина. Не спрашивая, кто мы такие (а зачем спрашивать —

* Зд.: *приют для паломников (от порт. albergue — общежитие, хостел).*

по обмундированию все понятно), он с приветливой улыбкой пригласил нас внутрь. Мы попали во двор того самого п-образного строения — там не было ни души и стояла абсолютная тишина. По дорожке, вдоль которой выстроились в ряд массивные белые столы и высеченные из камня сидения, мужчина привел нас к центральному входу. Мы вошли в здание и вслед за привратником стали подниматься по узким лестницам с высокими ступенями. В доме тоже было совершенно пусто и тихо — казалось, тут вообще никого нет.

На четвертом этаже мы наконец-то услышали человеческие голоса, а войдя в приемную, увидели и самих говорящих. К нам буквально выпорхнула высокая пышноволосая дама с фигурой старшеклассницы. Было заметно, что эта сеньора уже далеко не девушка (могло статься, ей давно перевалило за шестьдесят), но выглядела она потрясающе, а жизненная энергия в ней так и бурлила.

— Я — Мерседес Нунрих, а это мой муж Флавио, — охотно сообщила дама, кивая на высокого человека в очках. — Мы волонтеры из Бразилии, принимаем путников в этом монастыре. Раньше приюты для пилигримов были бесплатные, но сейчас государство их плохо финансирует, поэтому будем рады, если вы сделаете небольшой поощрительный взнос — по пять евро с человека за ночь.

Разумеется, мы не могли отказать радушным хозяевам в такой мелочи и опустили по купюре в специальный ящичек. Мерседес украсила наши паспорта печатью приюта (*Mosteiro de Vairão*) и в двух словах рассказала историю этого места. Несколько веков назад здесь был действующий женский монастырь, где проживало целых пятьсот послушниц, но затем комплекс выкупили и сделали частной собственностью, а с недавних пор хозяин переоборудовал его под альберг для паломников, идущих в Сантьяго. Мы поинтересовались, сколько здесь сейчас путников, — оказалось, что, кроме нашей троицы и пары бразильских волонтеров, во всем огромном здании еще только два человека. Супруги из Греции, сказала Мерседес.

Вскоре мы увидели этих греков: в комнату ввалился тучный мужчина с красной физиономией, а следом зашла фигуристая дама с пышной седеющей шевелюрой и лицом привлекательным, но с явными следами пристрастия к алкоголю. У женщины был слегка безумный взгляд, поэтому Инна тут же окрестила ее *Медеей*. Хотя на самом деле ее звали Елена, а красномордого мужа — Виталий. Оказалось, это бывшие одесситы — они благополучно приняли греческое гражданство, взрослых детей переселили в Чехию, а ныне путешествовали по миру. В Сантьяго они отправились аж из Лиссабона и шли по берегу океана, поэтому на момент нашей встречи находились в дороге уже десять дней.

— Это был какой-то кошмар! — вкратце описывая путь, восклицала «Медей» с характерными интонациями своего родного города. — Ну ладно если солнце светит, и тепло, и все чинно-благородно, тогда и океаном полюбоваться в радость — красота ж ведь, словами не передать! Но когда весь день сверху льет дождь, а под ногами жижа чавкает, и так десятки километров — то пропади он пропадом, этот гребаный океан! Однажды в шторм ночевали в палатке, потому что ближайший альберг был в пятнадцать километрах, — так я думала, что сдохну! Что снаружи, что внутри — холод собачий, на тебе нитки сухой нет, а ветер такой, что думаешь: вот сейчас слудет вместе с палаткой и потом никто никогда не найдет твоих костей! Чтобы я, большая пятидесятилетняя женщина, еще раз повелась на такую авантюру — да ни в жизнь! Мало мне Адриатики, что ли?!

Вслушав этот душераздирающий отчет о тяготах Пути, мы отправились вслед за Мерседес на «экскурсию» по монастырю. В нашем распоряжении были огромные пустые спальни на шести этажах — мы могли занять любую из них. На каждом этаже находились отдельные душевые комнаты с горячей водой, а на нашем, четвертом, еще была гостевая комната и кухня, совмещенная со столовой, — *пилигримуши* могли приготовить здесь завтрак и ужин, купив в супермаркете продукты или вос-

пользовавшись провиантом, что остался от предыдущих странников. Кроме того, на последнем этаже имелась зала для медитаций и даже музей пилигримов. В этом музее самыми интересными экспонатами оказались видавшие виды кроссовки и сапоги, в коих люди прошагали сотни километров по Пути Сантьяго.

Ближе к вечеру мы сходили поужинать в местный ресторанчик, а когда вернулись, чтобы устроиться на ночь в какой-нибудь комнате, в монастыре начались приколы со светом. Проще говоря, его не стало. Во мрак погрузилось все огромное шестизэтажное здание, за стенами которого, если вы помните, находился старинный погост. Было не то чтобы жутко — можно сказать, было даже забавно, но в то же время в душу пробрался какой-то веселый ужас: а вдруг сейчас из-за кладбищенской стены начнут гурьбой лезть всякие привидения да прочая нечисть — и напрямик к нам в спальню!

Вскоре коридор и вправду заполонили празднующиеся призраки: это мы, постояльцы, и хозяйева бродили туда-сюда, пытаюсь решить проблему. Больше всего на пришельцев с того света походили Инна и Мерседес: у первой к козырьку кепки был прикреплен фонарик, бледно-голубым лучом освещавший ее фигуру и кусочек пространства вокруг, а тощая бразильянка держала в руках длинную свечу и в ее ореоле металась от одного электрощитка к другому — было ощущение, что мы ненароком попали в сюрреалистическую кинокартину.

Через некоторое время появился рабочий, и после получаса работы, сопровождавшейся недовольными комментариями Виталия на русском языке, электричество появилось опять — правда, всего в нескольких комнатах, но нам больше и не требовалось. Главное, теперь можно было включить обогреватель и ночью не окочелеть от холода в неотапливаемом каменном здании. Мы втроем пожелали всей честной компании спокойной ночи, забрались в спальные мешки, расстелив их на бывших койках юных монашек, и мгновенно провалились в сон — усталость многокилометрового похода все-таки дала о себе знать.

Первой, кого мы увидели на следующее утро, была Медея. Пляясь на нас красивыми, но слегка сумасшедшими глазами навывкате, она поделилась своими впечатлениями от здешнего кладбища, где совершала утреннюю прогулку.

— Это что ж такое делается! — сокрушенно воскликнула она. — Это ведь какой-то разврат, а не кладбище! Я-то привыкла, чтобы все было чинно-благородно, гробы в землю закопаны да могилки изгородью огорожены, а здесь что? Гробы в фамильных склепах как попало составили один на другой, из материнского рука торчит, дед пятой внуку в темечко тычется — не, ну чисто семейный бордель! Ни в жисть больше не ступлю ногой на ихний погост — такого ужаса натерпелась!

После такого красочного повествования нам тут же захотелось помчаться на кладбище и воочию увидеть тамошние безобразия. Виталий, уже собравшийся в дорогу и ожидавший в столовой свою трагикомичную супругу, предупредил, что лучше пораньше выйти в путь: нужно было обогнать ливень, который вроде как надвигался с океана. Мы сказали, что быстренько прогуляемся по могилкам и догоним их в пути. На том и расстались.

Взвалив на плечи рюкзаки и обнявшись с прощанием с гостеприимной Мерседес, мы поклонились монастырю и пошли на кладбище. Навстречу нам попалась толпа людей в красных атласных накидках — впереди идущая дева несла перед собой золотой венок с распятием на верхушке. Позже мы узнали, что в этот день католики отмечают какой-то праздник, — значит, то была праздничная процессия, а вовсе не пышные похороны, как показалось нам, невеждам.

Кладбище занимало довольно компактную прямоугольную территорию с фамильными склепами по периметру. Здесь как раз все было *чинно-благородно*: сияющие надгробные плиты с живыми цветами, элегантные кресты, фигурки ангелов и святых дев рядом с табличками имен усопших. Судя по датам в эпитафиях, здешние люди в большинстве своем были долгожителями: многие дотянули почти до ста.

Бродя по кладбищу, я впервые понял, зачем гробы иногда делают роскошными, поразительно красивыми. Оказывается, гробы с останками не всегда закапывают — их ставят в открытые семейные склепы, помещают в ниши, расположенные одна над другой. Понятно, что ничьи ручки-ножки из гробиков не торчали — просто бывшая одесситка не могла удержаться, чтобы слегка не приукрасить действительность. Жаль, что она не пишет: могла бы стать непревзойденным летописцем!

Накануне вечером наша группа прислала сообщение о том, что устроилась в ночлежке с кучей щедрых пилигримов: те угощали всех вином и пели песни под гитару. Девицы удивлялись, где это мы бродим и когда уже присоединимся к их веселой компании. Мы обрисовали ситуацию, пообещали утром пораньше добежать до альберга и дальше топтать вместе.

Но утро у нас получилось не слишком раннее: неспешный завтрак, осмотр кладбища — все это заняло массу времени, поэтому к первой желтой стрелке мы вышли в пол-одиннадцатого. Когда добрались до приюта, он оказался закрытым — значит, все постояльцы уже отправились в дорогу. В кафе напротив я спросил у официанта, не заходила ли сюда группа шумных иностранок и не оставляла каких-нибудь записок для своих товарищей. Он пожал плечами — в то утро еще вообще не было никаких посетителей. Ну что ж, вздохнули мы, пойдем тогда в своем темпе, а к вечеру встретимся в следующем приюте.

На очередном столбе с ракушкой висел щит с десятками отзывов о Пути и пожеланиями — паломники их оставляли для «грядущих поколений». Были там надписи и на русском языке. Одна из них гласила: «*Отпускайте от себя идиотов и клоунов. Цирк должен гастролировать*». Внизу красовалось имя автора: Фаина Раневская.

— Хм, — произнесла Ира, в задумчивости потирая подбородок, — уж не наши ли девицы оставили эту записку? Напекают: дескать, мы вас отпускаем, убогие вы наши, гастролируйте сколько угодно в своем темпе.

— А может, все наоборот? — сделала предположение Инна. — Может, нам на глаза попалась эта надпись, чтобы мы *их* отпустили? Пусть уже наши клоунессы бегут сломя голову и веселятся под гитару.

— В любом случае, это неслучайно, — подхватил я. — Кто-то из странников писал, что на Пути Иакова *случайностей не бывает*. Возможно, здесь главное слово — *отпускайте*. Отпускайте от себя что бы то ни было: плохое и хорошее, боль и радость, мысли и эмоции. Освобождайтесь от *всего* — в этом суть Пути.

С тем и пошли дальше. После вчерашнего похода мы уже не боялись потерять дорогу: желтые стрелки и ракушки попадались на глаза через каждые сто метров — то на асфальте, то на столбе, то на воротах чьего-нибудь дома, — заблудиться было просто невозможно. Мы по-прежнему шли расслабленно и неторопливо, разглядывая обитателей деревень и крошечных городков.

Удивительно, даже в этом захолустье люди одевались с исключительным вкусом: португальские мужчины, включая очень пожилых, ходили по улицам в стильных брюках, жилетах и пуловерах, причем не избегали необычных для стариков расцветок — красная, бордовая, оранжевая одежда там были в порядке вещей. У нас и в городе не часто встретишь прилично одетого дедка, а в португальской деревне с тысячей душ населения в каждом кафе обязательно увидишь двух-трех элегантных сеньоров со свежей газетой в руках.

Жители в провинции были необычайно приветливы: все поголовно улыбались, махали руками и желали *boa tarde*. Люди то и дело подходили, спрашивали, откуда мы, или сами пытались угадать. Чаще всего принимали за французов, немцев,

испанцев или итальянцев — словом, за своих, европейцев. Это, конечно, льстило, но мы не приукрашивали действительность и не старались скрыть свое происхождение. Узнав, что мы из России, местные чаще всего изумленно поднимали брови — видеть, нечасто наш брат-россиянин шагал по Пути Сантьяго. Некоторые пытались тут же завести политические разговоры, но мы вежливо уклонялись, говорили, что политикой совершенно не интересуемся, а наша единственная страсть — путешествия и изучение культуры разных стран. На том и расставались, довольные друг другом.

Ближе к обеду решили перекусить и зашли в крошечный продуктовый магазин на окраине городка, чтобы купить по бутерброду и съесть с чаем — утром предусмотрительно заварили в термосе. Хозяйка, немолодая подвижная португалка, тут же забросала нас вопросами, по ходу рассказала историю своей жизни, поведала о скором замужестве дочери и даже посетовала на прожорливую кошку — та сидела в углу и неотрывно смотрела на витрину с сыром и колбасами. Но когда женщина услышала, откуда мы приехали, ее словно подменили: она уткнулась взглядом в разделочный стол и замолчала. Молча нарезала ветчину и сыр, измельчила в машинке помидоры, уложила все это между половинками трех огромных батонов и, не поднимая глаз, протянула нам. Так же бессловесно показала калькулятор со стоимостью покупки и кинула на блюдечко сдачу. Не сочтя нужным ответить на наше вежливое *Obrigado! Até logo!**, хозяйка подхватила на руки свою неподъемную кошку и скрылась в подсобке.

Что и говорить, инцидент был неприятный и на какое-то время оставил в душе осадок. Стало ясно, что отношение к русским здесь далеко не однозначное. Сначала мы даже решили, что будем скрывать, из какой страны прибыли, а особо настойчивым отвечать, что, мол, космополиты и вся планета наша отчизна. Но потом возмутились: а с чего это мы должны скрываться и стыдиться своей страны? Да, многие россияне вызывают у европейцев самые негативные чувства, но мы — не они, мы другие, поэтому будем всем показывать на собственном примере, что и русские бывают вполне цивилизованными людьми.

Мы подошли к очередной развилке, где дорога снова раздваивалась на основной и обходной путь. На этот раз удлинённый маршрут пролегал через римскую деревню.

— Что будем делать? — спросила Ира. — Поимеем совесть и пойдем нагонять наших девушек или прогуляемся по историческим местам?

— Девушек мы еще увидим, — флегматично отозвалась Инна, — а римская деревня может больше и не попасться. Предлагаю бессовестно пойти в обход.

Возражений не последовало, поэтому мы торжественно вошли в арку, за которой начиналась одна из самых древних дорог страны — ее строили еще в эпоху Римской империи. Возле арки, словно в память о римских легионерах, росли великолепные каллы. Позже мы к ним привыкнем и перестанем замечать: каллы сотнями произрастали в каждой придорожной канаве и были здесь сорняками, вроде нашей полыни, но в тот момент белоснежные цветы с неповторимым ароматом произвели на нас сильнейшее впечатление.

За аркой дорога была выложена булыжником, и прошедшие столетия не оставили на ней заметных следов разрушения — римляне знали, как строить на века. Мощная дорога привела к речке с арочным мостом — тоже наследием Древнего Рима. Опоры моста вместе с арками отражались в идеально гладкой поверхности воды, — вид был по-домашнему уютный и одновременно величественный.

У моста висела табличка с текстом, написанным по-португальски, и меня делегировали узнать, о чем там говорится — вдруг что-то важное. Я прочитал, что этот мост, перекинувшийся через реку Аве (*Ave*), называется Замейро (*ponte D. Zameiro*), а построил его в XII веке первый король Португалии Афонсу Энрикиш. Мост лежал на

* «Спасибо! До свидания!» (порт.).

пути в город Ратеш, куда мы, собственно, и направлялись, и был неотъемлемой частью Пути Сантьяго. Там говорилось, что этот и другие римские мосты «неотделимы от Пути Святого Иакова, как свет неотделим от солнца». Еще было написано, что арочный мост — это место, где соединяется материальный и духовный мир, наш мир и его отражение, поэтому в самой идее моста заложено представление о том, что у физической реальности есть некая мистическая составляющая и они образуют единое целое.

— Вау! — в один голос воскликнули сестры Ира и Инна, когда я им передал суть прочитанного. — За это надо выпить!

Мы вытащили из рюкзаков небьющиеся лиссабонские бокалы и, плеснув в них по глотку коньяка из термоса Ирины, произнесли тост и за чудесные арочные мосты, и за Путь Сантьяго, и за мистический характер нашего мира. Потом еще разлили по бокалам остатки травяного чая, прислонились к каменному бордюру моста и пили, любуясь неторопливой рекой с маленькой плотиной, уточками, плескавшимися в мелкой воде, и мирными фермерскими постройками на берегу. Стояла первозданная тишина, мягко пригревало солнце, а на сердце было легко и радостно оттого, что нам выпало такое необычайное счастье — прикоснуться к этой идиллии и на миг стать ее крошечной частью.

За рекой тропинка, убегавшая в лес, была выложена ровными плитками из желтого камня. Мы ступили на нее и, не сговариваясь, дружно запели, отстукивая ритм скандинавскими палками:

*Мы в город Изумрудный идем дорогой трудной,
Идем дорогой трудной, дорогой непрямой.
Заветных три желания исполнит мудрый Гудвин,
И Элли возвратится с Тотошкой домой...*

А ведь во многом они были схожи — вымышленная дорога в Изумрудный город и реальный Путь в город Сантьяго, не зря нам вспомнилась эта песенка из мультфильма. Как девочка Элли безоговорочно верила в то, что Великий Гудвин сможет вернуть ее на родину, так сегодняшние паломники верят, что Сантьяго поможет им *вернуться к самим себе*, заново себя обрести. Жажда приключений и святая вера в чудо — вот движущая сила, заставляющая людей бросать все дела, отказываться от комфорта, брать в руки посох и вставать на Путь Иакова.

Мы продолжили погружение в зачарованный мир: желтая тропа завела в эвкалиптовый лес, где стояла еще более глубокая тишина, чем у реки. Все звуки скрадывал густой зеленый мох — он окутывал придорожные валуны и, словно драпировочная ткань, свисал с ветвей деревьев. Огромные эвкалипты источали такой интенсивный аромат, что у Инны закружилась голова и она пожаловалась, что от переизбытка здорового воздуха сейчас упадет и уснет — точь-в-точь как Элли на маковом поле. Нужно было срочно всех взбодрить, и я предложил разучить веселую детскую песенку на португальском языке, сделав ее лейтмотивом нашего похода:

*Atirei o pau no gato-to, mas o gato-to
Não morreu-reu-reu.
A Dona Chica-ca assustou-se-se
Com berro, com berro que o gato deu. Miau!**

За этим увлекательным занятием не заметили, как вышли из леса. Миновали свалку с двумя отличными кожаными креслами и ящиками, наполненными винными

* «Я бросил палку в кошку, но кошка не сдохла. Донна Чика сильно испугалась, когда кошка закричала: «Мяу!» (порт.).

бутылками, мы подошли к той самой римской деревне, ради которой и свернули с прямого пути. Она была еще более таинственная, чем эвкалиптовая роща: на улицах — ни души, собаки не лают, дымок из труб не вьется — казалось, селение просто вымерло. Здешние дома датировались примерно пятнадцатым столетием и больше напоминали мини-крепости, нежели фермерские жилища: за могучими стенами старинной каменной кладки подчас виднелись только крыши и чердачные окна. В основном дома были сделаны из камня рыжевато-песочного цвета — такой же окрас имели и кошки, неподвижно сидевшие то здесь, то там на оградах. Кабы не пристальные взгляды прищуренных зеленых глаз, можно было решить, что это не более чем каменные изваяния, украшавшие дом.

Хотя деревня и казалась вымершей, но следы присутствия человека мы все же обнаружили. В стене одного из домов был каменный водопровод-кувшин — из его горлышка лилась вполне питьевая вода, можно было смело наполнять бутылки и опустевшие термосы. На воротах другого дома красовалась табличка с нашим, пилигримским, знаком ракушки, а под ней, на двери, висел лоток, где лежали апельсины и — не поверите! — нож: невидимые хозяева приглашали усталых и голодных странников угощаться фруктами и даже позаботились о том, чтобы дорожная трапеза была максимально комфортной. Разумеется, мы воспользовались «приглашением» и съели по апельсину, а еще по одному зачихали в рюкзак: до города Ратеш оставалось совсем немало километров пути.

В альберг «*Сан-Педро де Ратеш*», расположенный на бывшей ферме, мы пришли в начале шестого. Волонтер Кристина — крупная приветливая португалка немецкого происхождения — по традиции проштамповала наши паспорта и взяла по пять евро с носа. Она сказала, что в шесть вечера состоится общий ужин всех постояльцев, коих вместе с нами набралось человек пятнадцать. Мы могли либо принять участие в приготовлении еды, либо потом вымыть за всеми посуду.

Мы прошли на кухню, где уже толпилась куча народа, включая шотландца, которого встретили у собора в Порту, и немного потолклись у стола и плиты. Так как все отлично справлялись и без нас, Инна с Ирой тихонько улизнули и пошли осматривать ферму, ныне ставшую музеем, а я остался болтать с паломниками — в основном это были немецкие студенты и учителя, решившие провести весенние каникулы таким вот активным образом.

Ровно в шесть Кристина пригласила всех сесть за длинный кухонный стол, уставленный аппетитными блюдами и бутылками с вином. Но перед тем как паломники приступили к ужину, хозяйка произнесла небольшую речь.

— Путь Святого Иакова — это дорога к мудрости, — начала она, держа в руке бокал с портвейном, — и начинается эта дорога с *трапезы*. На греческом языке слово «трапеза» звучит как *Агапе*, а мы знаем, что Агапе, по греческой традиции, — это важнейшая ипостась Любви, две же другие ее ипостаси — Эрос и Филос. Значит, на Пути Сантьяго нас всех прежде всего объединяет Любовь, потому что нет ничего важнее разделенной трапезы. И первый тост мы должны поднять именно за Любовь.

Когда все присутствующие выпили «за любовь», словоохотливая Кристина продолжила свой монолог:

— Идея *Агапе* как трапезы отсылает нас к «Пиру» Платона. Известно, что германские философы перевели название этого произведения как «*Симпозиум*», решив отказаться от слова «пир», закрепившегося в латинской традиции. Понятно, что в наши дни пиршество и симпозиум — явления принципиально разные. Но ведь, подобно еде, новое Знание можно попробовать, изучить, и, если оно приходится нам по вкусу, мы его поглощаем и усваиваем. Получается, что Знание и пища как ипостась Любви становятся частью нас самих — согласитесь, это в высшей степени удивительно! Какое же знание дает Путь Сантьяго? Прежде всего, это *знание о самом*

себе. В дороге человек день за днем открывает себя заново, и ценнее этого опыта нет ничего на свете. Поэтому предлагаю выпить за Путь Святого Иакова и наконец-то приступить к трапезе, о которой столько тут наговорила!

— *Ao Caminho!* (За Путь!) — радостно воскликнули оголодавшие пилигримуши, чокаясь бокалами, и дружно застучали вилками и ложками, спеша наполнить тарелку салатами и горячей снедью.

Кристина серьезно подошла к разработке культурной программы. После того как постояльцы утолили первый голод, она включила Гимн Паломников на португальском языке — надо сказать, очень красивый, — а потом сама спела фаду* *A lenda da fonte* («Легенда об источнике»). Тут уж и мы не удержались — ну какое же застолье без душевной песни! — и бодро исполнили вокальный шедевр про ушибленную кошку и сеньору Чику: зря, что ли, три часа в пути разучивали?

Видя, что народ за столом разогрелся и повеселел, я решил сделать подарок путникам из Германии — спеть им песенку собственного сочинения на языке Гёте. Когда-то, в пору студенчества, написал ее для фонетического конкурса и с тех пор время от времени услаждал слух немецкой публики неприхотливой мелодией и еще более незамысловатым текстом.

— Итак, песня *Frühling*** — громко объявил я, введя народ в исторический контекст создания этого произведения.

*Frühling ist die Zeit für meine Liebe,
Frühling ist die Zeit für mein Glück.
Kommst du irgendwann?
Kommst du zu mir wieder?
Ja, ich weiß: du kehrst zu mir zurück***.*

Нужно было видеть лица немцев, когда они слушали эту трехкуплетную балладу: на них была написана вся сентиментальность германской души, но вместе с тем и безграничное удивление — мол, как это может быть: человек не разговаривает по-немецки, но при этом сочиняет стихи и поет песни на их языке!

В тот вечер русская троица стала хитом застолья. Мы сумели расположить к себе многонациональную компанию и, возможно, в какой-то мере убедить, что с россиянами можно дружить — вопреки расхожему мнению о нас как о нации грубиянов, хамов и неучей. Начало «реабилитационной» кампании было положено — мы обрели массу поклонников!

Люди, прошедшие по Пути Сантьяго, часто говорят о «феномене легкого рюкзака»: дескать, по мере продвижения из него исчезают ненужные предметы и он становится все невесомее. У меня первая «пропажа» прищлась на второй день странствий. Поздно вечером, собираясь побриться в альберге у Кристины, я обнаружил, что остался без пены для бритья: оказывается, забыл ее в монастырском душе, когда совершал утренние процедуры. Сначала я пришел в уныние — как теперь бриться-то всухую? — но тут же попробовал намылиться лежавшим на умывальнике кусочком

* *Фаду* (порт. **fado**) — особый стиль традиционной португальской музыки. Ее особое настроение можно описать словом «саудадэ» (порт. **saudade**), в значении которого сочетаются понятия одиночества, ностальгии, грусти и любовного томления.

** «Весна» (нем.).

*** «Весна — время моей любви, весна — время моего счастья. Придешь ли ты когда-нибудь? Придешь ли когда-нибудь снова? Да, я знаю: однажды ты вернешься ко мне» (нем.).

мыла и понял, что могу вполне обойтись без пены. К тому же, без объемистого баллончика в рюкзаке образовалось место для более нужной вещи.

Такой вещью оказалась книга Пауло Коэльо «*Дневник мага*»* на португальском языке — в ней автор описывает свое путешествие в Сантьяго-де-Компостела. Я заметил книгу в гостевой комнате альберга и открыл наугад. Первая же прочитанная фраза оказалась весьма символичной: «*Бог — во всем, что нас окружает. Его присутствие надо прочувствовать или пережить*». Далее рассказчик говорил, что по дороге в Сантьяго с каждым днем все явственней ощущал присутствие некой силы, которая указывала ему верное направление, помогала не сбиться с пути. Разумеется, я подумал о том, что увидел роман не случайно и мне необходимо прихватить его с собой: брать книги в одном приюте и оставлять в другом — это было здесь в порядке вещей. Так у нас появился *духовный наставник*: время от времени к нему можно было обращаться за советом или просто за мудрой мыслью — стоило лишь открыть книгу на первой попавшейся странице и прочитать пару предложений. Иногда цитата прямо отвечала на заданный вопрос, и тогда ты преисполнялся восторгом и благоговением перед той непостижимой силой, что вела с тобой безмолвный, но в то же время такой красноречивый диалог.

По-настоящему присутствие *невидимого покровителя* мы начали ощущать на третий день похода: Путь неожиданно начал нас *подкармливать*, причем именно тогда, когда подступал легкий голод и хотелось чего-нибудь перекусить.

Сначала мы набрали на неглубокую канавку, полную спелых апельсинов: плоды с удуряющим ароматом обсыпались с огромного дерева, росшего за оградой дома, и теперь, никому не нужные, валялись на улице. Недолго думая, мы набили фруктами карманы рюкзаков, сели на крыльцо заброшенной часовни и устроили себе роскошный витаминный завтрак. Уверяю, что ничего вкуснее тех португальских апельсинов мне есть не доводилось: по сочности и сладости с ними не сравнятся ни испанские, ни марокканские цитрусовые.

Потом в чистом поле нас нагнал автомобиль с кучей детей на заднем сидении. Сидевшая рядом с водителем женщина высунулась из окна и спросила, в какой стороне находится Ратеш, — я указал ей рукой в направлении города, откуда мы ушли два часа назад. Женщина поблагодарила и, уточнив: «*Peregrinos? Caminho de Santiago?*», протянула каждому из нас по паре теплых булочек с чудесным запахом домашней выпечки — они были до краев наполнены заварным кремом. Мы как раз собирались сделать привал и выпить чаю, поэтому булочки пришлись очень кстати.

Подобные подарки судьбы были бесконечно приятны, а их поразительная своевременность, естественно, наводила на мысль, что *кто-то сверху* проявляет о нас трогательную заботу. Мы поблагодарили небо за содействие и выразили надежду на дальнейшую помощь. В ответ на нашу просьбу где-то вдалеке послышались раскаты грома, на солнце набежали тучи и через несколько минут на землю упали первые капли дождя...

Идти под дождем было не то чтобы тяжело, но не так приятно, как под солнцем: земля быстро превратилась в жидкую грязь и скоро наши крутые кроссовки потеряли товарный вид; к тому же пришлось надеть плащи, немало стеснявшие свободу движений, — впрочем, они сразу придали путникам вид настоящих *пилигримушей*. Особенно хороша была Инна: ее ярко-красная дождевая накидка укрыла под собой и рюкзак, поэтому казалось, что у нее на спине вдруг вырос горб. Романтический образ дополнил «посох» — неровная палка, которую она подобрала в роще, чтобы было удобнее шагать по грязи.

— То ли божья коровка, то ли Квазимодо, — прокомментировал я превращение изящного учителя танцев в это горбатое недоразумение.

* «*O Diário de um Mago*» (Paulo Coelho, 1987).

— Ну уж нет, я — Дюймовочка! — объявила Инна и, попросив нас спеть песенку про донну Чуку, станцевала на лесной тропинке польку — именно этот танец, по ее мнению, любила исполнять крошечная девочка из сказки Андерсена.

— Хорошо, — согласился я, — отныне ты будешь Дюймовочка-Квазимодо.

Мы с Иррой сделали несколько снимков этого замечательного персонажа-гибрида, и наша троица бодро зашагала дальше.

Было уже далеко за полдень, когда мы вошли в Барселуш (*Barcelos*) — красивейший старинный город, раскинувшийся по обе стороны широкой реки. Вторая часть группы сообщила, что покинула это место рано утром, — по всему выходило, что нам уже было не суждено встретиться вплоть до самого Сантьяго.

Пройдя через центр с могучей крепостной стеной, через мощеные улицы, украшенные флажками и уставленные статуями ангелов и веселых монахов, мы набрали на кафе с комплексными обедами для паломников. Устроившись за столом у окна, с радостью выгнули ноги: впервые дала о себе знать усталость, что накопилась за два с половиной дня пути. Девушка-официантка принесла подносы с обильной едой (всего за пять евро с человека), а в придачу подарила каждому по раскрашенному петушку и цветному буклету.

— Петушок-то непростой, — объявил я, прочитав текст, — это символ всей Португалии. Но изначально он стал символом *справедливости* именно здесь, в Барселуше. Недаром тут на каждом углу стоит деревянный петух.

И я пересказал попутчицам легенду о жареном петушке:

Давным-давно, в средние века, шли пилигримы в Сантьяго-де-Компостела и остановились на ночлег в городке Барселуш. Среди паломников был молодой галисиец. Он понравился хозяйке постоялого двора, и та принялась всячески его домогаться, но странник оказался стойкий и отказал женщине. Разозленная хозяйка решила отомстить юноше и подкинула ему свое столовое серебро, а поутру подняла крик: «Украли, украли!» Стали проверять всех постояльцев и в скромной сумке галисийца обнаружили пропажу. Юношу схватили, и местный судья вынес ему смертный приговор: в то время в городе были такие суровые законы. Перед казнью пилигрим попросил аудиенцию у человека, который приговорил его к смерти. Последнюю просьбу узника уважили и отвели к судье в дом — в этот момент там шла веселая пирушка. Странник снова начал настаивать на своей невиновности, но когда понял, что переубедить судью невозможно, указал на блюдо с жареным петухом и в отчаянье воскликнул: «Я настолько невинен, что, когда меня будут вешать, этот петух закукарекает!» Судья пренебрежительно отодвинул блюдо с птицей в сторону и как ни в чем не бывало продолжил трапезу. Когда же наступил час казни, жареный петух вдруг и вправду ожил и прокукарекал. Потрясенный судья вскочил из-за стола и побежал на площадь. Там он увидел, что палач плохо завязал узел на шее осужденного и тот все еще жив. Несчастного немедленно освободили из петли и отпустили с миром, а вместо него повесили слугителя Фемиды, несправедливо осудившего галисийца на смерть.

Петух же вовсе не закончил свое брэнное существование на столе у судьи. Он возродился в тридцатых годах прошлого века, когда гончар из деревеньки близ Барселуша развлечения ради вылепил из глины фигурку петушка — в память о том самом легендарном крикуне. Фигурка вышла не особо хорошо, но, когда гончар ее ярко раскрасил, она неожиданно приобрела шарм. Таких же петушков захотели иметь односельчане, затем — жители окрестных городов. А кончилось тем, что расписной петух стал символом целой страны.

Из Барселуша мы вышли, когда начало вечереть. Ноги ощутимо гудели, а идти еще было невесть сколько километров. Снова замелькали поля, леса и размытые дороги. Инна-Дюймовочка радовалась, что теперь у нее есть такой замечательный

посох: им было очень удобно сбивать апельсины с деревьев в чужих садах, а потом этой же палкой подтягивать плоды к ограде дома и складывать про запас в рюкзак. Во дворе одного дома, отмеченного ракушкой, стоял стол, на нем — ботинок (тоже знак пилигримства) и бутыль с чистой водой для путников. Мы воспользовались гостеприимством хозяев: сели за стол, съели ворованные апельсины и запили чудесной коломедной водой.

Когда уже почти стемнело, заметили ярко освещенный двухэтажный приют, стоявший на самой вершине холма. Из последних сил забрались на горку и с радостью вошли в современный дом, на две трети состоявший из окон. За стойкой скучал волонтер; он взглянул на часы и сказал, что нам несказанно повезло: через пятнадцать минут альберг закрывался на ночь и мы вполне могли остаться ночевать на улице.

— Не могли, — возразил я этому не очень приветливому парню и добавил словами Коэльо: — *«Там, где нас ждут, мы всегда оказываемся точно в срок».*

Тот лишь фыркнул, равнодушно проставил печати у нас в паспортах и взял традиционный оброк в размере пяти евро. Потом велел разуться у лестницы и повел на второй этаж, чтобы показать, где находится наша спальня и душевые. Как вы думаете, кого мы обнаружили у себя в комнате? Трех немецких девиц из альберга Кристины: красивую белокурую Анну и двух ее подруг-учительниц — толстую и тонкую. Они чрезвычайно обрадовались воссоединению и устроили нам экскурсию по нижней части дома.

Внизу находилась просторная гостиная с несколькими столами, мягкими креслами и книжным шкафом. Там сидели еще два немца — молодой бородач Питер и его отец; до этого мы не встречались, но впоследствии не раз столкнемся в дороге. За гостиной располагалась кухня — разделочный стол и холодильник ломились от бесплатной еды: здесь были и коробки с пищей, и мясной пирог, и ветчина с сыром, и фрукты, и даже праздничный торт. Но особенно порадовали глаз бутылки с вином: алкоголя было столько, что хватило бы на вечеринку с десятком приглашенных. Из кухни дверь вела в прачечную с машинкой, сушилкой и всеми необходимыми средствами для стирки. Это был самый крутой приют из всех виденных нами ранее.

Анна объяснила, как на следующее утро покинуть альберг. Дверь, через которую мы вошли, изнутри не открывалась, и выходить следовало через другую дверь — она находилась в коридорчике за кухней и вела на задний двор, причем отворить ее снаружи и снова попасть в здание тоже было невозможно. Хозяева идеально продумали систему входов и выходов, поэтому странников спокойно оставляли на ночь одних, не боясь, что те унесут с собой половину казенного имущества. Шучу, шучу: просто в Европе людям принято доверять...

Утром Инна встала пораньше, чтобы организовать праздничный стол для Иры: у той был день рождения. С набором имеющихся продуктов и выпивки это не составило большого труда. Пока остальные паломники собирались в дорогу и один за другим покидали их за кухонным окном. Проблему же с samozакрывающейся дверью решила чисто по-русски: подперла шваброй, стоявшей в коридоре, и спокойно вышла во внутренний двор.

Пока Инна создавала на столе эстетский дизайн из цветов, бокалов и прочих подручных средств, я открыл роман Коэльо, чтобы найти подходящую цитату и воспользоваться ею вместо поздравительной речи. Сделать это удалось практически сразу — книга и вправду оказалась магической. Когда именинница спустилась вниз, мы встретили ее во всеоружии: Инна подарила сестре ракушку — символ Пути Сантьяго, а я произнес торжественное слово:

— *«Кораблю в гавани не грозит опасность, но не затем он создан, чтобы стоять на якоре. Когда человек странствует, он, сам того не замечая, переживает вто-*

рое рождение. То и дело попадает в новые для себя ситуации, дни его долги, вокруг чаще всего звучит неведомый язык. Он подобен младенцу, только что покинувшему материнскую утробу. И уделяет гораздо больше внимания тому, что его окружает, ибо от этого зависит, выживет он или нет. Он становится доступней для людей, ибо они могут прийти к нему на помощь в трудную минуту. Мимолетную милость богов он воспринимает с ликованием и будет помнить ее до конца дней своих».

— Я так понимаю, пьем за странствия? — уточнила Ира, выслушав речь.

— Да, — подтвердила Инна. — И за то, чтобы каждый день рождения отмечать в новой стране...

В тот день Путь решил немного подшутить над именинницей. Началось с того, что она оставила в приюте термосок и вспомнила об этом уже через полчаса после ухода. Впрочем, даже если б мы вернулись, все равно не смогли бы попасть в здание, так как покинули его последними и отворить двери было некому. Ира немного погоревала о любимой вещице, но потом вспомнила, что у нее есть замечательная ракушка, и снова повеселела. Она гордо повесила подарок на рюкзак, как делали настоящие паломники, и спросила, знаем ли мы с Инной, что вообще означает данный символ. Мы понятия не имели, поэтому Ира пообещала рассказать об этом интересную историю, но только чуть позже: она попросила нас неторопливо идти вперед по виноградному полю, а сама поспешно забежала за какую-то будку.

Вернулась она умиротворенная и наконец-то поведала, почему ракушка стала символом паломничества. Было это связано с легендой о перенесении мощей святого Иакова в Испанию после того, как в сорок четвертом году н. э. его до смерти замучили в Иерусалиме. Когда корабль, на котором перевозили тело, достиг берега, какая-то лошадь страшно перепугалась и вместе с кучером упала в воду. По счастью, и человек, и животное были спасены, но из воды их вытащили в довольно странном виде: тела обоих были полностью покрыты ракушками. Понятно, что чудесное спасение приписали самому Иакову.

— Когда люди стали совершать паломничество в Сантьяго-де-Компостела, чтобы поклониться мощам святого, от них стали требовать доказательство посещения святыни, — увлеченно продолжала Ирина. — Со временем таким «вещдоком» стала ракушка — как атрибут чуда, совершенного апостолом. А потом она вообще сделалась знаком паломничества. Ракушка стала символом идеи о том, что все мы — лишь странники на пути к небесам.

— Эй, странник, — внезапно воскликнула Инна, взглянув на сестру, — а где, извиняюсь, твои палки?

— Вот черт! — Ира остановилась и с досадой хлопнула себя по лбу. — Неужели за будкой оставила, пока... молилась?! Друзья, стойте здесь, я мигом за ними — туда и обратно!

Бегала эта «забудка» минут десять: мы успели порядочно пройти, слушая ее рассказ. Хорошо, что Инна вовремя заметила пропажу — в противном случае именинница лишилась бы еще одной необходимой вещи.

Когда закончились привольные виноградные поля, окруженные синими горами, мы вошли в словую чашу — атмосфера здесь была еще таинственнее, чем в эвкалиптовой роще. С каждым шагом лес становился все гуще, все дремучее: по обе стороны от тропинки почти непроходимой стеной возвышались старые разлапистые ели, а под нижними ветвями лежал полуметровый слой давно облетевших и побуревших игол, — если случайно заберешься вглубь, наверняка заблудишься и никогда больше не увидишь ясный свет. Словно в подтверждение того, что эти дебри — место во всех

смыслах мрачное, *колдовское*, небо вдруг затянуло тучами и где-то вдали сверкнула молния. Поднялся ветер, древние ели недовольно закрипели, закачались верхушками; внизу же по-прежнему царило абсолютное спокойствие — ни легчайшего движения, ни малейшего шороха.

Было слегка жутковато пробираться сквозь чащобу, где время, казалось, стояло на одном месте, попав в тиски хвойных гигантов. Поэтому мы вздохнули с облегчением, когда деревья чуть поредели, тропинка стала шире и все как-то просветлело. Послышался звук воды, и в скале, сменившей глухую стену из елей, мы увидели небольшой водопад: здесь время снова восстановило свой ход. Через сотню метров на глаза попался еще один водопад, стали встречаться мелкие, юркие ручейки, а потом мы вышли к широкой реке с несколькими порогами — здесь все грохотало, бурлило и пенилось: природа словно взбунтовалась против неподвижности столетних деревьев и сотворила царство воды, вечно куда-то устремленной и пребывающей в непрестанном движении.

А дальше мы увидели каменную стену, зачем-то выстроенную посреди леса. Она не очень хорошо просматривалась из-за плетущихся растений, но все же было ясно, что это — творение рук человеческих. Подойдя ближе, заметили в стене дверь — становилось все загадочнее и интереснее: куда она могла вести? Дверь оказалась наполовину сгнившая, и, приблизившись, мы заглянули внутрь. Бог мой, да ведь это останки жилого дома: все еще были заметны перекрытия между этажами, кусок деревянной лестницы и части мягкой мебели. Но природа неумолимо вторглась туда и навела свои порядки: посреди комнаты выросло могучее дерево, пробившее пол на втором этаже и доросшее до крыши; все поросло зеленым мхом, повсюду вились лианы — созданное кем-то жилище само стало частью леса. На двери сохранилась табличка с датой строительства: 1951 год. Дому не исполнилось и семидесяти лет, а растения с легкостью уничтожили почти все следы разумного вмешательства человека. Еще лет через двадцать рухнут стены, и тогда уже никто не узнает, что здесь, в самом сердце леса, обитали люди со своими заботами, радостями и печальми: природа без остатка уничтожит все следы человеческой жизнедеятельности.

Внезапно перед нами возникла старуха: она что-то полоскала в старинной «стиральной машине» — огромной каменной лохани, до краев заполненной водой. Такие лохани для публичных стирок постоянно попадались на Пути, но то было в деревнях и древних городках, а здесь, в еловой чаще, она выглядела ну очень странно. Мы по-португальски приветствовали женщину — та медленно повернулась и, подозрительно оглядев нас с ног до головы, прокрипела в ответ: *“Boa tarde!”** А потом равнодушно вернулась к своему занятию.

За поворотом стоял большой дом из черного камня — такой же мрачный, как и окружавшие его столетние ели. Из трубы валил дым, следовательно, здесь жили люди.

— Друзья мои, — громким шепотом сказала Ира, — это дом Бабы-яги, а старуха и есть Баба-яга. Думаете, почему она так придиричиво нас разглядывала? Смотрела, кого лучше первым пустить на жаркое. Видите, вон уже баньку для нас топит, а потом сразу в печь. Давайте-ка уходите отсюда подобру-поздорову, пока не стали добычей нечисти!..

К счастью, вскоре еловая чаща закончилась, и мы вышли к перекрестку на широкой автостраде. Вдоль трассы стояли ларьки, рабочие вагончики, возле них сутились люди; через дорогу, у лиственной рощи, дровосеки рубили деревья — одним словом, из заколдованного царства природы мы опять попали в уютный мир людей, где почувствовали себя гораздо уверенней. Настолько уверенней, что, не задумываясь, свернули направо и пошли в горку вдоль шоссе. Мы даже не стали сверяться с дорожными метками — настолько логичным выглядел путь.

* «Добрый день!» (порт.).

Опомнились минут через двадцать бодрой ходьбы: а где же, собственно, наши стрелки и ракушки? Сбавили шаг и стали оглядываться по сторонам в поисках знаков, но их нигде не было. Мы присели на лавочку у дороги и стали думать, что делать дальше: придерживаться того же маршрута или менять направление. Место было совершенно безлюдное — ни единого прохожего, чтобы обратиться с вопросом. Тогда я решил в одиночку сбежать обратно к перекрестку и спросить у рабочих, где продолжается Путь Святого Иакова.

Когда я прибежал на перекресток, все люди словно испарились — видать, закончился трудовой день и работяги разошлись по домам. К счастью, у роши на противоположной стороне дороги я заметил одинокого лесоруба: он шагал к грузовику и явно собирался уезжать. Я бегом пересек шоссе и замахал руками, привлекая внимание этого человека, — он заметил мои сигналы, остановился и подождал, пока подбегу к нему. Задышавшись, я поинтересовался, где пролегает Путь на Сантьяго. «Да вот он», — ответил тот, указывая на тропинку, уводящую в лес. Вот ведь, черт побери, опять в чащу — на ночь глядя! Я поблагодарил спасителя и понесся обратно к дамам.

Прямо у дороги наткнулся на стрелку, которую заметил еще при выходе из ельника, но проигнорировал: она ведь была не желтого, а синего цвета, и мне даже в голову не пришло, что это знак Пути. Равнодушно пройдя мимо, я нарушил «дорожное правило Коэльо»: *уделять гораздо больше внимания тому, что тебя окружает, ибо от этого зависит ты или нет.* Будь я дальновиднее, не поленился бы, перешел дорогу и изучил стрелку — тогда бы мы не потеряли больше часа драгоценного времени. Что ж, пусть это нам всем будет уроком, благоразумно решил я...

В город Понте-де-Лима мы вошли уже в сумерках. Чтобы попасть в муниципальный альберг, нужно было пересечь мост. Накануне наши впереди бегущие девицы ночевали в этом приюте и описали его как сущий кошмар: в одной комнате спали двадцать человек, в кроватях чуть ли не клопы ползали, а в душевых кабинках и туалетах стояла несусветная грязь. Понятно, что после такой «рекомендации» идти туда совсем не хотелось, но других вариантов не было.

И тут Путь после всех дневных шуточек решил нам сделать королевский подарок: он послал спасительницу в лице белокурой немки Анны — мы шли по бульвару, а она неторопливо двигалась навстречу. После приветственных объятий девушка сказала, что остановилась не в публичном альберге, а в хостеле — он находился в двух минутах ходьбы: место не роскошное, но переночевать там можно в отдельном номере за восемь евро с человека. Разумеется, мы, не раздумывая, решили идти туда.

Хостел — унылая многоэтажка из серого бетона — выглядел одиозно и снаружи, и изнутри: бесконечные коридоры напоминали декорации к какому-то малобюджетному фантастическому фильму прошлого века, в номере подозрительно пахло рыбой, а стены и потолок комнаты были обклеены чем-то вроде картона из-под коробок с консервами. К счастью, санузел, единственный на весь коридор, оказался идеально чистым. Но главное, нам троим принадлежал целый этаж — это искупало все несовершенства ночлежки.

Расположившись кто где на двухъярусных кроватях, мы подключились к Интернету. Девочки из «быстрой» группы забросали нас жалобными меседжами: в тот день, переваливая через Ведынну гору, они попали под холодный ливень, промокли до нитки и устали как собаки, но хуже всего, в кровь сбили ноги — у некоторых даже волдыри вскочили. Словом, этот участок дороги оправдал свою репутацию как самого трудного на Пути Сантьяго.

— Ромусик, глянь, что там говорит наша Библия по поводу таких мытарств, — попросила Ира, зачитав вслух стенания Лены и Ани.

Я наугад открыл «Дневник мага» и, как обычно, попал в самую точку:

— «Слово “грех” по-латыни “*pedis*”, что первоначально значило — “больная нога”, то есть нога, неспособная преодолеть путь. Чтобы избавиться от греха,

надо все время идти вперед, осваиваясь в новых для себя ситуациях и получая тысячи благословений, на которые жизнь так щедра — только попроси».

— Так вот почему мы разошлись! — воскликнула Инна. — Они-то грешницы, а мы-то с вами святые! Они хоть и несутся сломя голову, и сбивают ноги, а толком преодолеть Путь не могут.

— Наверное, просто не умеют просить благословения, — предположила Ира. — Давайте-ка завтра с утра хорошенько попросим у Ведьминой горы, чтобы наш путь был приятный и легкий...

Утром мы спустились на завтрак в столовую — это была огромная зала, такая же унылая и пустынная, как и все здание. Скучное угощение не поражало изысканностью, но раз входило в стоимость, то надо было есть. Пока мы пили чай с тощими бутербродами, в столовую зашла Анна. Мы решили заранее у нее узнать, какой альберг ожидает путников по ту сторону Ведьминой горы. В руках у немки оказался путеводитель по нашему маршруту, и она показала имеющиеся варианты.

Муниципальный приют был огромный, с множеством комнат, и в каждой насчитывалось восемнадцать спальных мест — в таком бедламе ночевать совсем не хотелось. Сама Анна по телефону зарезервировала себе и попутчицам место в некоем *артистическом* альберге *Ninho* («Гнездо» по-португальски) — его содержала семейная пара: жена — актриса, муж — музыкант. Мы закричали, что тоже желаем провести ночь в таком чудесном пристанище, но Анна сказала, что телефон «Гнезда» есть только у Питера — бородача из предыдущего альберга, однако они с отцом, наверное, уже вышли в путь. Ладно, решили мы, найдем что-нибудь еще: *жизнь щедра на сюрпризы — не забывай лишь просить!*

Не успели мы покинуть хостел, как тут же увидели Питера: он шагал по бульвару, пританцовывая (в ушах — наушники с музыкой), и весь его вид говорил о том, что парень наслаждается бытием. Я ринулся к немцу с просьбой позвонить в «Гнездо» и предупредить хозяев, чтобы оставили места для трех обаятельных русских паломников, которые, скорее всего, припрутся позже всех. Питер ответил, что телефон приюта у отца, а тот укатил на велосипеде, потому что с его больными ногами взбираться на гору было бы крайне неосмотрительно. Но пообещал, что свяжется со стариком и тот уже сделает звонок в «Гнездо». Я от души поблагодарил Питера за содействие и пожелал счастливого пути.

— Немецкий дедок оказался мудрее всех, — сказал я сестрам, передавая им разговор с Питером. — Он знает золотое правило странника: *«Чтобы узнать, высока ли гора, необязательно на нее взбираться».*

— Ну а мы будем честными и пройдем это испытание до конца, — заявила Ира. — Кто знает, может, еще придется сжульничать — путь впереди немалый...

Когда мы пересекали мост — главную достопримечательность Понте-де-Лима, нас провожало целое войско римских легионеров: выстроившись в две фаланги, они стояли по щиколотку в реке, в боевых доспехах и с копьями, направленными острием вверх. Эти ребята были остроумной разновидностью приспособлений для замера уровня воды — судя по всему, во время наводнений их затапливало вместе со шлемами и лишь наконечники копий торчали из реки.

Мы миновали живописную церквушку, стоявшую у выхода из города, и каменную фигуру паломника с надписью *Vom Caminho!*, когда начал моросить дождик. Пришлось достать плащи и превратиться в настоящих *пилигримушей*. Благо, погода стояла теплая и спокойная, ничто не напоминало о грозном ливне, что накануне основательно подпортил настроение нашим девушкам.

Впрочем, скоро нам пришлось столкнуться с последствиями вчерашнего проливного дождя: мы остановились перед безнадежно затопленной тропинкой, вдоль которой, согласно стрелкам, нужно было двигаться. По правую сторону от бывшей дорожки (а ныне — полноводного ручья) стояла высоченная стена, по левую — запущенные виноградники со спутанными лианами: реально джунгли! И вроде бы недлинный ручей, всего пара метров, но в глубину метра полтора будет. Вот как его преодолеть?! Не вплавь же, в самом-то деле! И точно не вброд.

Тут впервые пришли на помощь наши «посохи»: цепляясь одной рукой за лианы, мы стали по очереди карабкаться на земляной склон, упираясь палками в утрамбованную почву прямо перед собой, и понемногу передвигаться вперед по наклонной плоскости. Было весело и одновременно страшновато: свалиться в воду проще простого, но мы проявили чудеса эквилибристики и ступили на твердую землю, ни разу не оступившись и даже не замочив кроссовки!

Однако расслабились мы рановато: не пройдя и ста метров, уперлись в настоящую реку — в смысле, такую же затопленную дорожку, но теперь ей уже не было видно конца и края. Преодолеть это расстояние по земляному склону было нереально, поэтому ничего не оставалось делать, как забраться по нему наверх, пролезть через засохший виноградник на поле и пойти по руслу ручья. В «борьбе» с лианами я содрал кожу на ладонях и оставил на ветвях несколько клочков дождевика — впрочем, слишком пустячная жертва, чтобы вообще о ней упоминать.

Это была серьезная победа над природной стихией, и, чтобы адекватно выразить ликование по данному поводу, нужно было сделать что-то особенное. Например, разучить новую дорожную «*пыхтелку*» — какую-нибудь несложную детскую песенку на португальском языке. Так в наш репертуар вошла песня про треугольный колпак:

*O meu chapéu tem três bicos
Tem três bicos o meu chapéu
Se não tivesse três bicos
O chapéu não era meu*.*

Через час мы уже гастролировали с этим вокальным шедевром в одном горном селе, куда зашли спустя некоторое время после начала восхождения. Припустил дождь, сразу похолодало, и мы забежали в кафе, которое как раз оказалось на нашем пути.

За барной стойкой протирал бокалы симпатичный черноволосый паренек с грустными глазами, а напротив него стоял, облокотившись на стойку, толстый мужичок за пятьдесят. Он попивал белое вино, поэтому его взгляд, наоборот, был весел и приглашал к общению. Сначала мы решили, что это посетитель, но, когда сделали заказ — три чашечки эспрессо и по рюмашке славного ликера *жинжа*, толстяк начал руководить процессом, давая указания юноше. Пока бармен делал кофе, весельчак завел с нами оживленный диалог «за жизнь». Рассказал, что кафе вместе с поместьем перешло ему по наследству от деда и отца и он продолжает этот необременительный семейный бизнес.

Напротив бара висел стенд со старыми фотографиями — на одной из них была заснята футбольная команда. Толстяк ткнул пальцем в игрока, сидящего на корточках в первом ряду, и с гордостью сказал, что это он в юности. Следует признать, гордился по праву: парень на фото был писанный красавец, а кроме того, скромно заметил хозяин, лучший игрок их любительской команды — мол, он прославил деревню

* *Колпак мой треугольный,
Треугольный мой колпак,
А если не треугольный,
То это не мой колпак (порт.).*

на всю Португалию. Мы повосторгались его историей и сделали предположение, что, наверное, и кафе его — лучшее в округе. Конечно, засмеялся тот, других-то в деревне и нет.

Бармен принес заказ, а хозяин в качестве подарка поставил нам на стол блюдо, где красовались три банана и громадные бутерброды с сыром и ветчиной. Нас так тронула щедрость этого человека, что мы решили устроить для него концерт — исполнить опус про треугольный колпак. Едва услышав первые слова, толстяк начал вдохновенно подпевать, а потом к «хору» присоединился и его юный работник. То были мгновения какого-то необычайно трогательного единения — через слова песни, через мелодию, с колыбели знакомую каждому португальцу, через что-то общечеловеческое, лежащее за пределами любого языка, — то, что люди ощущают как проявление *безусловной любви*...

Когда мы покидали гостеприимное кафе с новыми друзьями-горцами, дождя уже не было и в помине — наверное, небо не могло долго хмуриться, слушая наше интернациональное пение, и просияло от счастья. А если серьезно, Ведьмина гора в тот день действительно была к нам благосклонна, и мы нашли этому *мистическое* объяснение.

У входа в очередной лес, расположившийся между небом и землей, стоял шест с табличкой, где было написано название горы. На португальском языке слово «ведьма» обозначалось поэтичным словосочетанием *ovelha velha*, что буквально можно было перевести как «старая овца».

— Эврика! — воскликнул я, прочитав надпись. — Теперь понятно, почему нам сегодня так везет с погодой и всем остальным. Мы же с вами все Овны по знаку Зодиака, так? Иначе говоря, бараны и овцы! Получается, хозяйка горы, *старая овца*, признала в нас родственников и теперь старается облегчить Путь. Спасибо тебе, бабушка, за помощь заблудшим овечкам — мы не забудем твою доброту!

Находясь под сильным впечатлением от только что сделанного открытия, вошли в лес. Казалось, тут и в самом деле кто-то поработал волшебной палочкой: множество деревьев, поросших мхом, напоминали заколдованных зверей — то олень осторожно выглянет из-за большого камня, то фигура медведя почудится за поворотом, а то вдруг на тебя в упор уставится лошадиная морда. Мы, конечно, уже привыкли к *потустороннему* характеру португальских лесов, но здесь особенно остро ощущалась атмосфера чего-то запредельного, таинственного, поэтому было решено на ближайшем привале принести жертву Ведьминой горе. Мы это сделали, расположившись на упавшем дереве, что лежало на берегу стремительной горной речки: бросили в воду дольку апельсина, кусочек хлеба, немного сыра и вылили остатки чая. Совершив ритуал жертвоприношения, попросили хозяйку горы сделать оставшееся восхождение максимально приятным...

На наше счастье, день по-прежнему был солнечный и сухой: дождь не заливал глаза, ноги не скользили по мокрому камню и не увязали в жидкой грязи. Однако подъем делался все круче, все чаще дорогу преграждали вывороченные с корнями кустарники и целые деревья — последствия вчерашней грозы, — и подниматься стало гораздо тяжелее. Мы уже не шагали вместе, а растянулись, преодолевая препятствия каждый в своем темпе, хотя из вида друг друга не теряли и часто останавливались, ожидая, когда появится фигура отставшего.

Впрочем, недаром странники говорят, что одиночество на Пути Сантьяго — это благословение: у человека появляется шанс побыть наедине с самим собой, послушать собственное тело и дать ему вести себя так, как оно хочет. Лично я воспользовался случаем, чтобы попрактиковаться в упражнении «Походка силы», о котором читал незадолго до путешествия. Суть его в том, чтобы во время ходьбы «дышать» ногами:

вдыхаешь через одну ногу, а выдыхаешь через другую. И вдох, и выдох приходится на момент, когда соответствующая ступня соприкасается с землей — при этом важно удерживать внимание на ощущениях, возникающих в ногах.

Минут через пятнадцать или двадцать такой ходьбы я почувствовал, что тело само собой начало расслабляться, а ритм дыхания вдруг взял и понес меня по дороге. Иногда бывали мгновения, когда я напрочь переставал ощущать за плечами рюкзак; казалось, что еще чуть-чуть — и взлечу. Кроме этой чудной легкости передвижения у меня вдруг появилось не менее упоительное чувство слияния со всем тем, что меня окружало — травой, деревьями, камнями, землей, воздухом, солнцем, облаками, ветром. На какое-то время я в буквальном смысле стал единым целым с безграничным пространством, и до меня дошло, что означает выражение «объять весь мир».

Ведьмина гора исполнила нашу просьбу о легком, необременительном перевале: пока мы лазали по скалам, повсюду сияло солнце, но при этом не было жарко, так как наверху постоянно дул свежий ветер. Удивительное дело, никто из нас не ощущал усталости — наоборот, казалось, что мы в состоянии играючи преодолеть еще одну гору. Хорошее настроение не смог испортить даже дождь, припустивший, как только мы спустились в долину, и сопровождавший до самого «Гнезда» — внизу непогода была совсем нестрашна.

Когда мы пришли в альберг — уютный фермерский дом, вмещавший до пятнадцати постояльцев, наши быстрые немецкие друзья, разумеется, уже были там. Питер с отцом подкидывали дрова в камин — сейчас, после холодного дождя, тепло огня было очень кстати. Анна и ее подруги — толстая и тонкая — сидели за столом в гостиной, что-то весело обсуждая по-немецки, при этом тонкая с помощью скотча «латала» прорехи на своем плаще. Я оценил идею: у меня на дождевике дыр тоже было предостаточно, и я решил, что после ужина займусь его ремонтом.

Пока мы снимали у входа промокшую обувь и плащи, вошла хозяйка — изящная молодая португалка с черными волосами. Узнав, что мы друзья Питера, она заулыбалась и провела в дальнюю комнату с тремя кроватями и портретом Фриды Кало*, висящим на стене с неровной старинной кладкой. Из-за каменных стен здесь было ужасно зябко, но хозяйка нас успокоила: сказала, что сейчас принесет обогреватель и скоро в комнате станет жарко. Спросив, не нужно ли чего-нибудь еще, предложила постирать и высушить одежду — всего за пять евро. Мы с Инной собрали ношенные и мокрые вещи и отнесли во флигель, где стояла стиральная машинка и сушилка.

Пока хозяйка загружала одежду, я поинтересовался, правда ли, что она актриса, как указано в путеводителе. Женщина засмеялась и сказала, что раньше вела детскую студию драматического искусства, но профессионально никогда не играла. Сейчас же занимается исключительно приютом для паломников. Что касается мужа, то он, действительно, оказался настоящим музыкантом: недавно, мол, записал новый диск медитативной музыки и сейчас разезжает по стране с презентациями, а она ждет его домой и скучает. Инна прониклась историей этой славной сеньоры и, верная своей привычке одаривать людей «говорящими» именами, нарекла ее *Пенелопой*.

Приведя себя в порядок, мы пошли в близлежащий ресторан, заказали по порции нежнейшей *bacalhau*** с овощами и графинчик молодого белого вина — отметить последний вечер в Португалии: на следующий день нам предстояло пересечь границу и провести первую ночь на испанской земле. Было немного грустно расставаться с этой необыкновенной страной и ее жителями, но впереди было еще шесть дней странствий, а значит, нас ожидали новые впечатления, встречи и сюрпризы. Мы

* Мексиканская художница (1907–1954), наиболее известная автопортретами. Заметное влияние на ее творчество оказала мексиканская культура, а также искусство народов доколумбовой Америки. Художественный стиль Фриды Кало иногда характеризуют как наивное искусство, или фолк-арт.

** Треска (порт.).

решили, что ностальгировать рано, и подняли бокалы за продолжение приключений на Пути Святого Иакова.

Поздно вечером получили сообщение от наших девиц: они уже были в Испании и сейчас «тусили» в альберге «Санто Доминго» в пограничном городке Туй. Между прочим, поинтересовались, как прошел наш перевал через Ведымину гору. Я написал, что все было исключительно хорошо, лучше не придумаешь, а в конце добавил афоризм собственного сочинения: *«Путь благоволит к ленивым и неспешным»*. В ответ получил лишь смайлик с озадаченным выражением лица.

Неделей позже, когда мы уже воссоединились в Сантьяго-де-Компостела, Яна сказала, что всю оставшуюся дорогу они неоднократно вспоминали мои слова и пытались следовать правилу *неспешного продвижения к цели*. Не знаю, насколько удачно у них это получалось, но, по крайней мере, на сбитые в кровь ноги больше никто не жаловался.

Утром после легкого завтрака мы покинули «Гнездо» — по обыкновению, ушли последними. Процедура сборов была та же, что и в других альбергах: тщательно пакуешь вещи, стараясь не забывать ничего нужного и освободить рюкзак от всего лишнего, выходишь из дома и захлопываешь за собой дверь.

Поскольку это был последний приют в Португалии, я решил оставить здесь *«Дневник мага»*, надеясь, что в Испании под руку подвернется версия на испанском языке. Напоследок решил еще разок заглянуть в книгу и прочесть какой-нибудь полезный совет касательно Пути Сантьяго. Открылась страница со словами, произнесенными проводником и духовным Учителем рассказчика:

«Путь Сантьяго — это путь тех, кто действует сообща. И на Пути Святого Иакова, и в обычной жизни обретенная нами мудрость ценна лишь тогда, когда помогает ближнему одолеть препятствие. По окончании моего первого паломничества я написал огромную картину, где было изображено все, что происходило здесь со мной, и ты, если захочешь, можешь сделать то же самое. Не владеешь кистью — сочини повесть. И тогда люди, независимо от того, где они находятся, смогут пройти Дивным Путем Сантьяго».

Я сразу догадался, что эти слова предназначались именно мне, и уже тогда знал, что когда-нибудь обязательно напишу рассказ о нашем паломничестве.

Поначалу в Испании все раздражало: цены в магазинах и альбергах сразу стали на порядок выше, чем в Португалии; в придорожных канавах больше не росли каллы; на дороге не валялись спелые апельсины и лимоны; за ограду домов перестали выставлять воду для бедных пилигримов; из кафе исчезла *жинжа*, а вместо нее стали предлагать *малагу* и коньяк. Все вдруг сделалось чужим.

За десять дней приноровившись к португальскому наречию, я был вынужден спешно перестроиться на испанский — вроде и знал его гораздо лучше, но поначалу слова отказывались всплывать в памяти. Благо, в первом же испанском приюте — трехэтажном палаццо — я разговорился на кухне с некой сеньорой Терезой, которая уже во второй раз шла в Сантьяго-де-Компостела: годом ранее она преодолела Французский Путь, бывший, по ее словам, гораздо тяжелее, а сейчас в свое удовольствие шагала со взрослым сыном по Португальскому. Мы проболтали целый час, и это помогло мне восстановить испанский — я даже заработал комплимент по поводу своей способности быстро адаптироваться к новой языковой среде.

Оказалось, что заново приспособляться нужно не только к языку, но и к погоде: она стала не менее капризной, чем тамошние официанты. На следующий день,

после того как мы перешли границу Испании, зарядил мелкий, противный дождь. Утром мы не торопились покинуть уютный альберг «Санто Доминго», надеясь, что морось прекратится и выглянет солнце. Уже и испанская семья вышла в путь; и группа немецких тинейджеров, до полуночи ржавших на первом этаже и мешавших спать, наконец-то собрала манатки и удалилась; уже и мы замучились гонять чай и размещать в соцсетях снимки — однако нудный дождь даже не думал прекращаться. И тогда стало понятно, что это будет *день великой сырости*, а идти — хочешь не хочешь — все равно придется. Потому что таков закон Пути — двигаться к цели в жару и холод, в дождь и снег, невзирая ни на какие трудности, поджидающие в дороге. А как вы хотели: индульгенцию на отпущение грехов надо *выстрадать*, пройдя через все испытания, предуготовленные для пилигримов.

Мы нехотя натянули дождевики и вышли из приюта навстречу непогоде. Как назло, местность была серая и угрюмая: мы шли в основном по обочине шоссе (ну хотя бы не по уши в грязи), изредка укрываясь от дождя в тоннелях, стены которых украшали ободряющие надписи для путников типа: *“Al peregrino que hace el camino, le trabajan las piernas y le descansa el sentido”**

В одном из таких «убежищ» неожиданно столкнулись с нашими «греками» из португальского монастыря — Еленой и ее супругом: они тоже остановились перевести дух. Мы обрадовались им, как близким родственникам. «Медея» в красном плаще с надвинутым на глаза капюшоном была просто олицетворением Пилигримской Скорби и в то же время вид имела донельзя комичный.

— Ну что, вы встретились со своими друзьями, которые убежали вперед? — поинтересовался Виталий.

— Нет, что ты, — махнула рукой Инна, — они нас на двое суток обогнали. — И назвала город, куда наши девушки успели дойти.

— Странно, — недоверчиво проговорил тот. — Мы идем очень быстро, но все равно покрыть такое расстояние нереально, даже если вообще не спать и шагать без остановки. Сдается мне, они часть пути проезжают на машине или автобусе: иначе их прыть никак не объяснишь.

— А кто их знает, — пожала плечами Ира, — может, и сачкуют. Дело, как говорится, хозяйское...

Мы вместе дошли до первого придорожного кафе, где нашли наших милых немецких друзей: все были промокшие, как цуцики, и согревались кто кофеем, кто спиртным. Купив по бокалу коньяка, мы спросили очаровательную Анну, где расположен ближайший приют и стоит ли в нем останавливаться. Та сказала, что на пути — муниципальный альберг «Санта Ана» в городе Мос. Засветло получалось добраться лишь до него, и немцы собирались заночевать именно там: следующее пристанище находилось слишком уж далеко.

Ну, раз уж наша всезнающая Анна заявила, что больше вариантов нет, то ничего не оставалось делать, как тащиться в это логово на тридцать человек. Немного обсохнув в кафе, снова вышли под ливень и уже через четверть часа промокли до нитки. А потом наступил момент, когда вдруг все стало ничо чем: и бесконечный дождь, и пронизывающий ветер, и «болото» в обуви. В голове утихли ворчливые монологи и жалобы, разум, как и положено у пилигримов, отключился — мы просто шли и шли, следуя стрелкам на дорожных столбах и подчиняясь ритму Пути. Цель — поскорее добраться до альберга и переодеться в сухое — отступила на задний план, а внутри возник безмолвный интерес к каждому моменту передвижения, когда ты с любопытством наблюдаешь за собой откуда-то сверху и понимаешь, что все неудобства в виде дождя и сырой одежды не важны, а важно лишь то, что ты идешь, шаг за шагом проходя свой Путь. Нет, еще важно то, что тебе выпало *счастье* его

* «У пилигрима в пути работают ноги, а рассудок отдыхает» (исп.).

пройти — преодолевая невзгоды, выдерживая испытания, переживая озарения, делая личные открытия, — и остается лишь благодарить судьбу за такой чудесный подарок, как *осознание* этого счастья...

Нет нужды говорить, что в приют мы пришли последними. В единственной спальном комнате по периметру стояли четырнадцать двухъярусных кроватей. У окна стоял обогреватель — невероятно, какое огромное количество вещей можно было поместить на такой миниатюрный прибор и рядом с ним: *пилигримуши* завесили его чем только можно в надежде до утра высушить свое промокшее насквозь добро.

Времени едва натикало шесть вечера; дождь по-прежнему лил как из ведра, а развлечение было лишь одно: вплоть до отбоя предаваться чревоугодию. Так мы и поступили: спустились в ресторанный зону, сели за столик рядом с горячей батареей, заказали сначала сырную пиццу, затем грибную, съели по исполинскому бутерброду и выпили какао, а потом несколько чашек чая. С каждым проглоченным куском ужасно бесполезной, но такой вкусной пищи становилось все уютнее и уютнее. Европейцы за другими столиками тоже, казалось, вполне наслаждались этим вечером с его ограниченным набором удовольствий: пили пиво, закусывали кто чипсами, кто пиццей, разговаривали, негромко смеялись. Никто не жаловался на непогоду, забитый до отказа приют и потраченное впустую время — все принимали спокойно, без излишних эмоций.

Воспользовавшись моментом, подозвали к столику нашу «святую Анну» с ее волшебным путеводителем: нужно было рассчитать количество километров, оставшихся до Сантьяго, и время, необходимое на дорогу. Оказалось, что время работает не на нас: со всеми отклонениями от основного пути мы потеряли где-то полдня и теперь не успевали прийти в конечный пункт точно в срок. А успеть были обязаны: нас ждали билеты на поезд в Барселону. Оставалось одно: тихонько *сжульничать* (как давеча выразилась Ирина) и несколько километров проехать на машине, а дальше уже как ни в чем не бывало продолжать поход — вплоть до победного конца. Решили, что если завтра дождь не прекратится, то мы вызовем такси и доедем до ближайшего города Редондела, сократив себе путь на десяток километров. С тем и пошли спокойно спать — впервые в окружении огромного количества малознакомых людей. Впрочем, в тот момент сей факт уже ни на кого не наводил ужаса: *день великой сырости* многое изменил в нашем отношении к себе и окружающему миру.

Наступило утро — дождь хлестал с прежней силой, не прекращаясь ни на минуту. Это означало, что идти пешком нам было не суждено. Необходимо было заказать такси и хоть на полчаса вспомнить про комфорт обычной жизни. Однако мы решили дожидаться, когда уйдут все пилигримы, чтобы не смущать их чувство долга перед самими собой. Было заметно, что европейцам тоже не слишком-то хочется высовывать нос наружу, но они не могли нарушить главный закон Пути, а именно: выходить в дорогу вопреки всем обстоятельствам. Поэтому честные немцы с грустными физиономиями вырядились в дождевики и пошли мокнуть дальше. Мы знали, что больше с ними не встретимся; особенно жаль было терять нашего белокурого ангела Анну, но ничего не поделаешь: расставания — такая же неотъемлемая часть Пути, как и встречи.

До города Редондела мы домчались за четверть часа: все-таки цивилизация — великая вещь, как ни крути. У нас в запасе была куча времени, и мы спрятались от дождя в кафе на центральной площади. Заказали мини-круассаны с разной начинкой и по бокалу малаги. В испанских барах и кафе в помине нет мерных стаканчиков:

там никто не наливает вино, высчитывая каждую каплю, чтобы, не дай бог, не перелить, — просто берут фужер и до краев наполняют алкоголем!

Пока мы завтракали, неожиданно кончился дождь и в просветлевшем небе засияло солнце. Наверное, Бог давал понять, что мы поступили правильно, внося в маршрут коррективы, — в конце концов, ко всему нужно подходить творчески. Теперь мы могли со спокойным сердцем продолжать путь — погода снова была на нашей стороне!

Шагать посуху казалось наивысшим блаженством бытия. Правда, иногда поднимался ветер, нагоняя на небо грозовые облака, но переменчивый небесный «пейзаж» лишь придавал очарование полям, лугам, рекам. Солнце, пронзающее лучами темно-серые тучи, создавало великолепные световые эффекты, и именно в тот день я сделал больше всего хороших снимков.

Когда мы подходили к городу Понтеведра, в пасмурном небе возникла двойная радуга. Оба конца нижнего «коромысла» опирались на купола храмов в разных концах города — зрелище было фантастическое.

— Друзья мои, вы знаете, что радуга — это знак Пути Святого Иакова?! — воскликнула Ира, спешно доставая смартфон и наводя камеру на феноменальное явление природы. — Видите, Путь указывает нам, что мы все делаем правильно и движемся в нужном направлении!

— Выдумываешь ты все, сестра, — отозвалась Инна, разглядывая группу велосипедистов-пилигримов, с головы до пят перепачканных в дорожной грязи, но необыкновенно веселых и энергичных.

— Ничего я не выдумываю, — возразила Ира. — Сейчас вам все расскажу. Люди верят, что Путь Сантьяго — это Млечный Путь, отраженный на земле. Млечный Путь ведет в созвездие Большого Пса, а перед Иаковым на его Пути к священному холму идет пес — вероятно, отсюда и возникла эта параллель. Путь Сантьяго также мифологически связан с кельтским богом Луга, который иногда появлялся в виде собаки. В древности Млечный Путь называли *радугой* бога Луга, а значит, радугу с тем же основанием можно считать и символом Пути Сантьяго! Чувствуете, как все взаимосвязано?

— Сестра, почему ты столько всего знаешь? — отстраненно спросила Инна, наблюдая, как чумазные велосипедисты в полном облачении забрались в бассейн вокруг фонтана и с хохотом отмывались от грязи и пыли.

— Очевидно, потому, что я ужасно умная, — аргументированно ответила Ира, — что тут непонятного?..

К вечеру опять заморосил дождик, и мне пришлось нацепить свой черный «монашеский» дождевик, успевший превратиться в лохмотья: каждый день на нем появлялись новые дыры, я отчаянно заклеивал их скотчем, но от этого вид залатанного рубища становился только ужаснее. Когда мы проходили по центральной площади города, где было полно нарядной молодежи (видать, отмечали какой-то праздник), ребенок, шедший с матерью нам навстречу, при взгляде на меня не сумел скрыть изумления и простодушно разинул рот — полагаю, до этого дитя никогда не видело одежду в столь плачевном состоянии. Будь он постарше, наверняка подошел бы ко мне и сунул в руки милостыню.

Я чувствовал себя так неуютно на улицах праздничного Понтеведра, что, едва мы поселились в пансионе «Санта Клар», тут же порезал плащ на мелкие кусочки, чтобы у меня не возникло искушения надеть его еще хоть раз. А наутро первым делом купил в лавке новый дождевик, поплотнее, чтобы точно хватило до конца паломничества. В обновке я ощущал себя куда увереннее и смело зашел в кафе — выпить утреннюю чашечку кофе перед очередным марш-броском.

Потом снова замелькали мосты, леса и поля. Когда приближались к шоссе или населенной местности, сразу становилось некомфортно: терялось волшебное ощущение свежести, воздух начинал тревожно гудеть и возникало зудящее напряжение, от которого хотелось побыстрее избавиться, погрузившись обратно в безмолвие и вселенское спокойствие, что исходило от природы.

К полудню мы добрались до деревни Сан-Амаро. В небольшой церквушке на пригорке только-только закончилась воскресная месса, и прихожане начали выходить на улицу. Возле церкви стояла группа из пяти парней с музыкальными инструментами в руках; едва двери храма распахнулись, они вдруг заиграли какой-то веселый народный мотив. Для нас, православных, это был более чем удивительный поступок: разве можно представить рядом с нашим храмом такой балаган, да еще сразу после служения? А здесь, похоже, это никого не напрягало — наоборот, музыканты с волянками сразу же задали праздничный тон и люди, включая священника в белом облачении, с улыбкой замахали им руками. Инна, недолго думая, стала приплясывать — в полном пилигримском «прикиде», с рюкзаком на спине, — чем заслужила одобрительные возгласы присутствующих.

Парни с инструментами начали спускаться с пригорка, не прекращая играть жизнерадостные мелодии, а люди с удовольствием пошли вслед за ними. Задорные музыканты бродили по улицам, неуклюже, но весело притопывая под собственную музыку, и все тянулись следом, как зачарованные крысы — за дудочкой Нильса. Оказалось, в тот день деревня отмечала праздник Сан Амаро — святого, чье имя носило поселение, и музыкальную группу специально по этому поводу выписали из города. Ребята сполна отработали инструментальную программу, а потом начали петь песни — энергично, с огнем, горляня на всю деревню великолепными голосами. Мы покидали это место в полном восторге, решив, что теперь восьмого апреля всегда будем отмечать день святого Амаро — в память о том чудесном событии.

В дороге нас опять застал холодный дождь. По счастью, вскоре показалось следующее поселение, где на одном доме красовалась надпись о том, что путника здесь накормят, напоят и обогреют — как раз весь набор услуг, необходимых в ту минуту. Путь не уставал о нас заботиться и всегда вовремя приходил на помощь, потому что, по словам одного из паломников, *«Путь знает про всех, кто сейчас по нему идет, и для каждого есть место на дороге, и приготовлено место для еды, отдыха и сна. И никто другой чужое место занять не сможет, потому что у него есть свое»*. Словом, как в сказке.

Хозяином харчевни оказался чудесный седенький мужичок. Он был рад поболтать с иностранцами по-испански и много о чем мог поведать: о своей старой ферме, о жене, которая сейчас с детьми готовила обед на кухне, о том, что в кладовой у него уже настоялось четыре тысячи литров молодого вина. Мы неспешно ели чечевичный суп, паэлью, мягчайший домашний хлеб, пили вино из грандиозных запасов фермера и наслаждались жарким пламенем в старинном камине. После трапезы пошли на экскурсию в винный погребок, где стояли сотни бочонков с готовой продукцией и десятки — с сырьем. Хозяин вкратце рассказал, как готовится вино, показал современные инструменты для обработки винограда и дал попробовать вино различных сортов. Потом налил еще графинчик, и мы опять пили, заедая волшебным хлебом. В терпком букете вина я ощущал привкус почвы, где рос виноград, и пот радивших его рук, и запах дождя и солнца, и вкус самой жизни человека, что принимал нас с таким радушием.

Наверное, я чертовски опьянел, потому что смутно помню момент, когда хозяин выставил нам счет в пятьдесят евро — немалая цена за обед в деревушке! Впрочем, мы получили столько удовольствия от общения с гостеприимным фермером, что стоимость еды и питья показалась сущим пустяком.

Поздним утром мы покинули пустой альберг в местечке Кальдас-де-Рейес, где вместе с нами ночевали лишь три польки — учительницы английского языка. Снова шли полями и лесными тропами, напевая о том, как «вместе весело шагать по просторам», и не веря, что до Сантьяго-де-Компостела, нашего *Изумрудного города*, уже было рукой подать: оставалось всего два дня пути.

По дороге в город Падрон нам попался один странный ресторан. Впрочем, на ресторан *это* походило мало: на улице перед частным домом был натянут брезент, под ним стояло три или четыре столика, а вокруг — не то паноптикум ненужных вещей, не то лавка старьевщика. Перед входом красовался рекламный щит с названиями блюд и висела загадочная надпись: *Не забывайте, что турист говорит: «Дайте мне», а пилигрим: «Я люблю вас»*. Немного погадав снаружи, за кого себя выдать — за туристов или пилигримов, решили не заморачиваться и просто заказать какой-нибудь еды.

Мы сели за столик, на котором стояла табличка со следующими словами: *El beber mucho alcohol mata las neuronas, las neuronas que mata son las más débiles. Si se mueren las débiles, quedan las más fuertes e inteligentes. Cuanto más alcohol bebo, más inteligente me hago**.

— Так вот в чем секрет твоего ума, сестра! — воскликнула Инна, выслушав перевод. — Ты просто много пьешь.

— Неправда, — возразила Ира, — я умеренно пью. Пила бы много, давно б доктором наук стала!

Из дома вышел хозяин заведения — мужчина лет сорока пяти. Своим видом он вполне соответствовал окружающей обстановке: был небрежно одет, кое-как причесан и на мир глядел слегка безумными глазами. Положив на столик меню, он навис над нами и с суровым выражением лица ожидал, когда мы что-нибудь выберем. Не желая испытывать терпение столь странного человека, быстренько заказали традиционный суп Галиции — обычно его едят с крошеным маисовым хлебом — и сырную нарезку. Ну и, конечно же, по рюмашке алкоголя — чтобы стать чуточку сильнее и умнее.

Пока ели, суровый хозяин завязал с нами разговор и, узнав, что мы из России, вдруг начал улыбаться, сразу превратившись в обаятельнейшего парня. Он сказал, что у него был русский друг, оставивший целый набор полезных вещей; сбегал в дом и принес коробку, где лежали его сокровища: пионерский значок, бритвенный станок советского периода, флакончик одеколона «Шипр» и современная купюра в пятьдесят рублей. Расщедрившись, Ира подарила ему еще одну российскую банкноту для изысканной коллекции — хозяин был просто счастлив. Расстались с ним лучшими друзьями.

Мы пришли в город Падрон, когда лучи заходящего солнца золотили ряды безлистных платанов на аллее, ведущей к храму. Красота была необыкновенная: подстриженные деревья протягивали ветви к небу, словно о чем-то молили в религиозном экстазе. У каждого дерева был неповторимый характер, и я едва успевал на ходу фотографировать это великолепие форм и цвета.

Насытив свой художественный голод, я сунул смартфон в карман куртки, и мы пошли в церковь, чтобы успеть ее осмотреть до закрытия. Поднимаясь по ступенькам к храму, я услышал за спиной окрик: «Кабальеро! Эй, кабальеро!» Как ни в чем не бывало продолжаю взбираться по лестнице, даже не подумав, что обращаются ко мне: ну какой я, к черту, *кабальеро* — в грязных ботинках и с рюкзаком за плечами?

* «Алкоголь, употребляемый в большом количестве, убивает нейроны. Погибают наиболее слабые из них. Когда умирают слабые нейроны, остаются самые сильные и умные. Вывод: чем больше я пью, тем умнее становлюсь» (исп.).

Когда же окрикнули в третий раз, оглянулся и увидел велосипедиста, который махал мне телефоном. «Сеньор, это ваш?» — спросил он, заметив мой взгляд. Я хотел было помотать головой, но сунул руку в карман и обнаружил, что там пусто. Быстренько сбегав по ступеням, забрал смартфон и поблагодарил велосипедиста за находку: оказывается, я выронил «игрушку» на аллее — благо парень вовремя заметил. Я же подумал о том, что на Пути Сантьяго человек теряет только ненужные вещи, а действительно необходимое, ценное никуда не денется — на то он и Путь, чтобы охранять *пелигримуша* и его добро.

Не успели выйти из храма, как к нам подбежал пожилой человек и предложил остановиться в «потрясающей квартире — всего-то десять евро с носа за ночевку». Мы попытались объяснить, что идем в муниципальный альберг, но тот замахал руками: дескать, что вы, там ведь толпа людей, к тому же темно и сыро, так как приют находится в старом, неотреставрированном монастыре. Видя наши колебания, человек быстро добавил, что жилье находится в минуте ходьбы отсюда, и настоял, чтобы мы просто на него взглянули. Не понравится — ступайте на здоровье в свой клоповник с кучей народа! Словом, он нас уговорил и повел смотреть квартиру, пока мы не передумали. Встретив по пути красивую сеньору, передал нас в ее руки — похоже, у них там целая мафия работала! Сам же убежал в кафе на углу улицы, велел наутро принести туда ключи от квартиры — судя по всему, был уверен, что мы не сорвемся с крючка и остановимся у них.

Квартира оказалась превосходная — трехкомнатная, с балконом, полностью меблированная и оснащенная всей необходимой техникой, даже Wi-Fi имелся. Разумеется, мы тут же отбросили мысли о поисках какого-то убогого альберга и поселились здесь. Женщина взяла с нас плату и ушла восвояси, попросив лишь не оставлять ключи в дверном замке — в противном случае снаружи в квартиру невозможно будет попасть; мы клятвенно пообещали все сделать в лучшем виде.

Заселившись, погуляли по городу, купили в супермаркете продуктов и красного вина и устроили в нашей очаровательной гостиной пир в честь скорого завершения паломничества. Окидывая взглядом Путь, мы пришли к выводу, что, помимо всего прочего, исчерпывающе ознакомились с разновидностями португальского и испанского жилища: ночевали не только в «разнокалиберных» альбергах, но и на ферме, и в монастыре, и в пансионе, и в палаццо, а под конец вот даже квартиру сняли. Особо приятными здесь были, конечно, цены — как раз для кармана нищих *пелигримушей*.

На следующее утро, уходя из квартиры, я сфотографировал висевшее в коридоре изображение: связка зеленых перцев, а под ним — рифмованные слова: *Los pimientos de Padrón: unos pican y otros, no**. Решили выяснить у нашего «риэлтора» в кафе, какая связь между Падроном и таинственным перцем. Дон Пепе чрезвычайно обрадовался вопросу, налил нам по рюмке жгучей перцовой настойки и обстоятельно все рассказал.

Оказывается, у своенравных зеленых перчиков из Падрона есть одна удивительная особенность: на десять сладких попадается один горький. Причем настолько горький, что за столом не считается зазорным вытащить его изо рта и выбросить. Некоторые утверждают, что могут на глаз отличить горький перец от сладкого, но это не более чем бравада: они совершенно неразличимы. Интересно, что когда саженцы падронского перца вывозят в другие регионы и пытаются там прививать, перец в знак протеста против насильственного переселения начинает невероятно горчить — так, что его просто невозможно есть. В родном же Падроне поджаренный перчик подают в качестве гарнира для рыбных или мясных блюд, а также используют для приготовления разного рода «эмпанад» — пирогов с начинкой.

* «Перцы Падрона: одни “кусаются”, а другие нет» (исп.).

Когда мы сделали последний перед Сантьяго привал, зайдя в придорожное кафе, то заказали блюдо из падронских перцев, а к нему мясо и шампиньоны. К счастью или к сожалению, ни одного острого перца среди прочих не оказалось — впрочем, от этого вкусовые достоинства блюда отнюдь не стали меньше.

В тот день шли со смешанным чувством: с одной стороны, было немного жаль, что скоро все закончится, но, с другой стороны, переполняла гордость за себя и радость, что все-таки смогли преодолеть Путь. В последний раз мы шагали «*мимо ристалищ, капищ, мимо храмов и баров, мимо шикарных кладбищ, мимо больших базаров...*»* — шли и пытались вобрать в себя всю бесконечность окружающего мира; навсегда запомнить роскошные жемчужно-серые тучи, а на фоне предгрозового неба — яркие пятна оранжевых крыш и пронзительно-красных камелий.

На придорожном столбе со знаком STOP какой-то шутник-пилигрим приписал большими буквами слова *don't and walking* — получилась фраза, наверное ставшая девизом всех паломников мира: ***Don't stop walking!***** И мы продолжали идти, все дальше и дальше, потому что Путь пока не был пройден до конца, а из-за макушек деревьев еще не показалась гора, на которой стоял древний город Сантьяго-де-Компостела — третий после Иерусалима и Рима центр христианского паломничества.

Под вечер испанская природа-инквизиторша устроила *пилигримушам* финальное испытание: за три часа до Сантьяго начался дождь — последний на нашем Пути. Сначала он лишь моросил и совсем не мешал идти, но потом небо разразилось настоящим ливнем. Через полчаса мы уже промокли до нитки, как несколькими днями ранее — при входе в город Мос. Но теперь идти было куда сложнее: дорога лежала через лес, росший на холмах, приходилось взбираться вверх по раскисшим тропинкам и карабкаться по мокрым и скользким валунам — то был *природной мерзости мерзчайший образец*. Мы утешали себя тем, что, в отличие от наших девиц, нам и так всю дорогу везло с погодой — должно ведь было и на нашу долю выпасть задание повышенной сложности. А теперь могли с полным основанием утверждать, что прошли через все тяготы и испытания Пути.

Вот так, вяло философствуя и занимаясь самоуспокоением, мы вошли в город — по уши в грязи, промокшие до нитки, подмерзшие, но совершенно счастливые от осознания того, что *Путь завершен!* В девять вечера ступили на площадь перед старинным собором — конечной целью всех идущих по Пути Святого Иакова. У его стен Инна оставила свой посох, а я положил камешек, что подобрал еще в Лиссабоне, на берегу реки Тежу, символически освобождая себя от тяжести прошлой жизни и давая понять, что готов ступить на Путь личностного обновления и новых свершений.

Потом мы пошли в духовную семинарию, стоявшую здесь же, на площади. Один этаж огромного здания из серого камня был отведен под приют для паломников — последний на Пути Сантьяго, — и мы поселились в бывших кельях послушников. Впервые за все путешествие я остался один — в строгой клетушке с холодным каменным полом. Я принял душ в крошечной ванной комнате и поскорее забрался в постель, чтобы наконец-то согреться. До утра у меня было достаточно времени окинуть внутренним взором проделанный Путь; возможно, пережить откровение или испытать озарение — вдруг осознать, что в дороге я окреп духом, возмужал, что стою на пороге грандиозных перемен. Однако я лишь успел подумать: «Блин, как же бедные семинаристы жили лет сто назад в этих комнатах с ледяными стенами и полом? Тогда ведь не было ни отопления, ни горячей воды, ни даже умывальника! Вот действительно было испытание на прочность и закаливание духа в суровых условиях...» Еще подумал, что иметь под боком горячую батарею и лежать под двумя

* Слова из стихотворения И. Бродского «Пилигримы» (1958).

** «Не прекращай идти!» (англ.).

толстыми одеялами — это, оказывается, величайшая роскошь, и, наверное, самый большой урок Пути — научиться ценить даже минимальный комфорт и уют сегодняшнего дня и прекратить бесконечно жаловаться по пустякам. С тем я и уснул — крепким сном счастливого, абсолютно довольного жизнью человека.

На следующее утро мы уже всей воссоединившейся группой поздравили Инну с днем рождения, а потом отправились в специальный офис получать сертификат паломников и — самое важно! — документ об отпущении грехов. Все было достаточно буднично: мы отстояли небольшую очередь и заполнили анкету, где спрашивали о цели прохождения Пути. Из предложенных вариантов: *религиозное паломничество, духовный рост, укрепление здоровья, туризм* — я выбрал последний, хотя, откровенно говоря, по сей день не знаю, какова же была истинная цель *моего* Пути. Говоря словами одного из пилигримов, *я шел потому, что не мог не идти*. Человек в одежде священника бегло просмотрел наши паспорта паломников, на специальных бланках сертификата отметил количество пройденных километров — двести сорок восемь — и начертил наши имена в латинской орфографии. Затем выдал индульгенцию, написанную целиком на латыни, и отправил в кассу оплачивать бумаги. Мы даже не успели осознать, что отныне — совершенно безгрешные создания, аки новорожденные младенцы.

Точкой нашего паломничества стала полуденная месса в соборе Святого Иакова. Священник говорил по-испански, но позже я нашел русский текст — вот отрывок из той мессы:

*Путь Сантьяго — это
Дорога света.
Дорога поисков и приобретений.
Дорога мира и братства.
Дорога жизни и надежды.
Путь к единомышленникам, где нет чужих.*

*Если вы действительно ищете жизнь, приходите в Сантьяго.
Не бойтесь жизни. И никогда не будет слишком поздно.*

*Никогда не бывает слишком поздно для радости.
Никогда не поздно поделиться радостью.
Никогда не поздно найти.
Никогда не поздно размышлять.
Никогда не поздно начинать.
Никогда не поздно открыть себя.*

*Выйдите из своей оболочки, и вы найдете других.
Да благословит вас Господь.*

